

Константин Ежов

**Деньги
не
пахнут**

Константин Ежов

Деньги не пахнут 10

«Автор»

2026

Ежов К.

Деньги не пахнут 10 / К. Ежов — «Автор», 2026

Попаданец в самого себя. Сын эмигранта в США. К настоящему времени миллиардером долларовым не стал, но рублёвым очень даже. Но вот беда, он умирает, от болезни от которой тупо нет лекарств. Таких больных мало, а расходы на доведение лекарства бешеные, потому даже не берутся разрабатывать. И единственный его шанс, это обмануть систему и заработать 50 млрд долларов чтобы профинансировать разработку лекарства которое его и спасёт и поможет тем немногим бедолагам кому угораздило этим заболеванием заболеть. Но увы, уже не в этой жизни....

© Ежов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Константин Ежов

Деньги не пахнут 10

Глава 1

– Но ведь вы и есть большая технокорпорация, разве нет?

На дворе стоял ноябрь 2015 года, и к этому моменту Аарон Старк уже давно перестал быть просто эксцентричным инженером. Его имя звучало как бренд. Компания "Теслаан", выстроенная им практически на голом энтузиазме, первой в мире вывела на дороги электрический автомобиль, способный без истерики и подзарядок преодолевать сотни километров. А беспилотные модели, ещё пахнувшие свежим пластиком и горячим металлом, уже меняли само представление о том, что такое вождение.

Но этого ему было мало.

Через "Спейс Z" Старк без лишних церемоний распахнул дверь в космос для частного бизнеса и, глядя в камеры с той самой хищной полуулыбкой, объявил о планах создать человеческую колонию на Марсе. Кто-то крутил пальцем у виска, называя его безнадёжным мечтателем. Но факт оставался фактом – одна за другой его безумные идеи обретали форму, металл, топливо и траекторию.

Именно поэтому он стал живым символом слова "инновации". Обложки журналов, список "100 самых влиятельных людей мира", эпизодические появления в голливудских фильмах – всё это прилипло к нему, как блеск сварки к рабочему комбинезону. В кулуарах его даже окрестили "супергероем из реальной жизни".

Правда, весь этот восторг был обращён не столько к его настоящему, сколько к его будущему. В тот момент ни "Теслаан", ни "Спейс Z" ещё не стояли на пьедестале окончательной победы. Они балансировали на грани – между прорывом и провалом, между восторгом и банкротством.

И потому реакция Старка была вполне ожидаемой.

– Я... большая технокорпорация?

Он ткнул себя пальцем в грудь, словно проверяя, не вырос ли там внезапно логотип, и криво усмехнулся.

– Звучит приятно. Даже слишком. Но...

На его губах мелькнула та самая насмешливая, почти мальчишеская улыбка.

– Эта корона мне пока не по размеру. Сейчас я человек, который спит, свернувшись клубком, прямо на бетонном полу завода. Человек, который считает убытки и слушает насмешки про "самые дорогие фейерверки в мире" каждый раз, когда очередная ракета превращается в огненный шар. И вы называете меня большой технокорпорацией?

Естественно, согласн медленно кивнул.

– Разумеется, сейчас – нет. Ключевое слово – "пока".

Пока. Не сегодня. Но совсем скоро.

– Я уверен, что вы полностью перекроите рынок электромобилей. Стоимость "Теслаан" превзойдёт суммарную стоимость всех традиционных автоконцернов. А "Спейс Z" станет безоговорочным лидером космической отрасли. Причём всё это произойдёт максимум за пять лет.

– Пять лет... – Старк скептически прищурился. – Вы неисправимый оптимист.

На это лишь пожал плечами.

– Можно сомневаться в сроках. Но в глубине души вы и сами это знаете. Рано или поздно вы окажетесь на самой вершине. На вершине большой технокорпорации.

Возразить ему было нечего.

Старк всегда жил под девизом "Невозможного не существует". И если хотя бы половина его вызовов миру срабатывала, будущее, в котором он становился флагманом большой технологии, было попросту неизбежным.

Отрицать это – значило отрицать самого себя.

Теперь, когда он принял эту мысль, пришло время сделать следующий шаг.

– Но, как вы сами сказали, Next AI должна быть полностью свободна от капитала и влияния крупных корпораций. А значит, при всём уважении, мы не можем принять вас в партнёры – именно потому, что вы неизбежно станете большой технокорпорацией.

И отказал ему его же собственными словами, аккуратно и без нажима.

И всё же внутренне задался вопросом:

"Хватит ли этого?"

Как и ожидалось, Старк не собирался сдаваться.

Он легко пожал плечами и посмотрел на меня с упрямой, почти фанатичной решимостью.

– Даже если вы правы, этого недостаточно, чтобы исключить меня. Я буду другим. И не стану таким, как они.

Ещё минуту назад он утверждал, что большие технокорпорации – зло и им нельзя доверять ИИ. А теперь делал исключение. Для себя.

– Даже если вырасту, не превращусь в них. Я не один из тех директоров, которые цепляются за власть и цифры в отчётах. А инженер. Человек, который решает реальные задачи. И всё ещё провожу ночи на заводе, чувствую запах масла и гари и пачкаю руки в работе.

Его голос звучал искренне. Именно поэтому он был особенно опасен. Когда он произнёс слово "инженер", в его голосе прозвучала откровенная гордость – плотная, почти осязаемая, как металл под ладонью. Для Аарона Старка это было не просто определение профессии. Он видел себя творцом, человеком, который создаёт новое, ломает границы и собирает будущее по болтам и схемам.

И потому ответил ему тихой, горькой улыбкой.

– Все большие технокорпорации когда-то начинались в гаражах. И они тоже не были злом с первого дня. Вы ведь это прекрасно знаете. У некоторых из них даже был девиз вроде "не будь злым". А что мы видим сейчас?

И сделал паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе, смешаться с гулом бара, шорохом шагов и звоном бокалов.

– Речь не о личном недоверии к вам. Проблема в другом. Когда организация разрастается, её взгляды и ценности неизбежно искажаются. Это почти физический закон. Next AI не может позволить себе такой риск. Она должна оставаться демократичным сообществом с открытым исходным кодом – для всех, а не инструментом частных корпоративных интересов.

Без исключений.

Большая технокорпорация должна быть исключена при любых условиях.

Мои слова прозвучали жёстко, и взгляд Старка начал меняться. Тот живой, насмешливый огонёк, что ещё недавно плясал в его глазах, погас. Осталась холодная, ровная пустота, от которой стало немного не по себе.

– Значит, как ни крути, какими бы словами вы ни прикрывались, вы всё равно намерены меня исключить? – уголок его рта дёрнулся, словно от плохо скрываемого раздражения.

Теперь в его взгляде уже не было игры. Враждебность читалась ясно и открыто, без попыток спрятать её за шутками.

– Я не понимаю, – продолжил он. – Если вы действительно осознаёте опасность ИИ, вы должны понимать, что сейчас нужно объединять все доступные силы, любой ценой...

Тут тяжело вздохнул про себя.

"Вот и всё. Теперь он снова записал меня во враги".

В его картине мира, похоже, существовали только две категории людей – союзники и противники. Сначала он видел во мне угрозу, затем почти товарища, когда понял, что тоже считаю ИИ опасным. А теперь, после отказа, снова оказался по другую сторону баррикад.

"Как и ожидалось. Слишком радикален".

Во многом мы были несовместимы изначально.

Он впился в меня холодным взглядом и резко спросил:

– Мне любопытны ваши настоящие намерения. Что для вас на самом деле важнее всего? Если бы вы искренне заботились о безопасности ИИ, вы бы поставили сотрудничество со мной выше всего остального. Раз вы отказываетесь, значит, у вас есть скрытая цель.

– Скрытая цель?

– Человек с Уолл-стрит просто так выкладывает миллиард долларов. Любой сделал бы соответствующие выводы.

Естественн посмотрел ему прямо в глаза.

– То есть вы подозреваете, что вкладываюсь в Next AI ради какой-то выгоды?

– Это вполне логичное предположение.

– Если бы моей целью была прибыль, разве не разумнее было бы инвестировать в перспективные стартапы, а не в некоммерческую организацию? К тому же и так уже вкладываюсь в десятки ИИ-проектов.

– Кто знает, – Старк пожал плечами. – Возможно, вы проворачиваете какую-нибудь финансовую инженерную схему в стиле Уолл-стрит, которую я даже представить себе не могу...

Иными словами, он намекал, что Next AI может быть лишь ширмой, прикрытием для очередной финансовой аферы.

"Это... начинает раздражать".

Если Старк начнёт распространять слухи о том, что Next AI – всего лишь марионетка Уолл-стрит, последствия будут серьёзными. Уже сейчас он был гигантом индустрии, кумиром и символом эпохи. Его словам верили. И многие, услышав подобное от него, неизбежно начнут смотреть на нас с подозрением.

Проще говоря, он начал давить своим авторитетом.

– То есть если не принимаю вас в союзники, вы расцениваете это как доказательство того, что у меня есть нечистые намерения, не связанные с безопасностью ИИ? Правильно понял?

– Я просто хочу понять, что для вас действительно в приоритете. Сущность человека всегда проявляется через его приоритеты.

Забавно.

Его манера сейчас казалась мне до боли знакомой. Именно так сам не раз убеждал других – мягко, логично, шаг за шагом подводя к нужному выводу.

Оказаться по другую сторону оказалось куда менее приятным ощущением.

Но, как известно, тот, кто умеет готовить яд, обычно знает и лучшее противоядие. Поскольку этот приём был мне до боли знаком, то так же хорошо знал и способ выбраться из расставленной ловушки. Для начала позволил себе мягкую, многозначительную улыбку и неторопливо заговорил, будто взвешивая каждое слово на языке.

– Если уж вы так настойчиво загоняете меня в угол и требуете однозначного выбора, что ж... в таком случае, разумеется, готов принять вас в союзники.

В глазах Аарона Старка вспыхнуло торжество – короткое, яркое, как искра от оголённого провода. Он явно решил, что победа у него в кармане.

Но не дал этому ощущению укорениться и тут же продолжил:

– Однако есть один нюанс. Не уверен, что вам действительно понравится то, что последует дальше. Потому что вступление к нам сопровождается весьма жёсткими условиями.

– Какими ещё условиями? – настороженно спросил он.

– Во-первых, вся сумма инвестиций вносится сразу и полностью. Никаких траншей, отсрочек, дополнительных условий или обещаний на будущее.

Сразу. Всё. Без обсуждений. Он даже не задумался.

– Это не проблема.

Разумеется. Но в реальности лишь начал.

– Во-вторых, в Next AI действует строго демократическая система принятия решений. Ваш голос будет ровно таким же, как у любого другого участника. Размер вклада не даёт ни дополнительных прав, ни приоритетного слова.

– И с этим тоже согласен.

– В-третьих, у проекта есть только один основатель – Алекс. Ни вы, ни я не делим с ним этот статус. Исключительное право назначать и снимать членов совета принадлежит ему одному. И он вправе в любой момент лишить вас места в совете без объяснения причин.

Проще говоря – вылететь можно в любую секунду, просто потому что так решили.

– И наконец. Ваш вклад юридически оформляется как пожертвование. Даже если совет сменится или проект кардинально изменит направление, вернуть эти деньги будет невозможно.

Итого?

Вы платите всё сразу, получаете ровно те же права, что и люди, не вложившие ни цента, рискуете быть изгнанным в любой момент и при этом теряете деньги навсегда.

"Интересно, станет ли он настаивать и после этого?"

Мой расчёт был прост. Сейчас протягивал руку, но прикреплял к ней такие условия, что отказ должен был последовать сам собой.

– Если вы готовы принять всё это – мы всегда будем рады видеть вас среди нас.

Старк замолчал. Казалось, слова вдруг закончились.

По сути, ему предлагали отдать деньги, не получить влияния и жить под угрозой изгнания в любой момент. Какой здравомыслящий предприниматель согласился бы на такое?

Естественно уловил мельчайшую тень сомнения на его лице и решил дожать.

– Честно говоря, именно поэтому изначально и не хотел вас приглашать. Для меня такие условия вполне приемлемы – у меня нет узкоспециализированных технических знаний, и просто обеспечиваю финансирование. Но вы... вы ведь совсем другое дело. Вы наверняка принесли бы ценные идеи, верно? Только вот при этих правилах ваше мнение будет весить ровно столько же, сколько и любое другое. Чтобы продвинуть свою позицию, вам придётся уговаривать совет, часами обсуждать детали, погрязнуть в бесконечных компромиссах. Вы действительно способны это вынести?

И тут чуть наклонился вперёд, понизив голос, словно делись тайной.

– Может, это и есть проклятие новаторов. Вы видите будущее там, где остальные смотрят в пустоту, и для вас правильные решения очевидны. Но обычные люди не понимают таких идей с первого раза. Идти с ними в ногу, подстраиваться, ждать... хватит ли у вас терпения?

Потом сделал паузу, позволяя шуму зала заполнить пространство – приглушённые голоса, звон стекла, мягкий джаз на фоне.

– Даже если хватит... честно говоря, сомневаюсь, что это вообще полезно для мира. Такие первопроходцы, как вы, достигают настоящих прорывов только тогда, когда идут вперёд без цепей и ограничений.

– Тогда, возможно, стоит пересмотреть саму систему управления... – осторожно предложил он, как и ожидал.

На это лишь покачал головой, усмехнувшись с лёгкой горечью.

– Это исключено. Суть Next AI – в демократичности и открытости. В тот момент, когда мы даём одному человеку особые привилегии в организации, где идеалы и принципы – основа всего, мы уничтожаем саму причину её существования.

Никаких исключений. Ни при каких условиях.

Недовольство отчётливо проступило на лице Старка.

А потом наклонился ближе и почти шёпотом добавил:

– А может... есть способ, который позволит вам проявить свой талант куда эффективнее?

В его взгляде мелькнул интерес, и я тут же продолжил, не давая ему угаснуть.

– Вместо того чтобы быть скованным этой раздражающей демократией, почему бы вам не создать собственную независимую ИИ-компанию? Там, где не нужно чьё-то одобрение. Где решение принимается и исполняется мгновенно. Где вся власть сосредоточена в ваших руках.

Да. Вместо того чтобы так упорно пытаться войти к нам – просто создайте свою.

Сейчас говорил негромко, почти доверительно, словно между нами протянулась тонкая нить понимания, и спросил:

– Зачем вы вообще когда-то выбрали путь предпринимателя? Разве не ради свободы – свободы воплощать собственное видение без чужих ограничений и бесконечных согласований? Если идти в одиночку, расправив крылья, вы способны добиться куда большего. И искренне не понимаю, зачем вам самому подрезать себе крылья, пытаться раствориться среди нас.

Зачем вообще связываться с такими, как мы?

Став генеральным директором собственной компании, вы сможете делать всё, что сочтёте нужным – без оглядки и компромиссов.

– Более того, это было бы куда выгоднее и в войне с крупными техногигантами. Разве демократичное сообщество с открытым кодом способно обогнать таких монстров, как Goob? Почти невозможно. А вот компания, возглавляемая лично вами... вы не просто догоните их – вы оставите их далеко позади. В одиночку. Сокрушив всю большую техноимперию.

Лишь под самый конец Аарон Старк наконец заговорил, и в его голосе прозвучала усталость.

– Это нереалистично. Они уже слишком далеко впереди.

Не дал ему закончить мысль.

– Нет. Вы – Аарон Старк. Для вас не существует слова "невозможно", не так ли?

Вы ведь всегда создавали вокруг себя образ человека, который превращает невозможное в реальность. Так почему бы не соответствовать этому образу до конца?

Только теперь Старк, кажется, понял, что разговор давно свернул не туда, куда он рассчитывал. Любому было очевидно – что подталкивал его к мысли о создании собственной независимой ИИ-компании.

По приглушённому гулу вокруг – шороху голосов, скрипу кресел, звону бокалов – было ясно, что и публика затаила дыхание, ожидая именно такого поворота. Старк глубоко вдохнул и ответил честно:

– Я бы хотел... но, если смотреть трезво, это невозможно. У меня нет ни времени, ни свободных средств.

И он был прав. Его дни уже трещали по швам из-за Tesla и Space Z, не говоря о десятке других проектов, которыми он управлял параллельно. Слишком много начинаний, многие из которых всё ещё барахтались в болоте убытков. Начинать ещё одну компанию сейчас – почти безумие.

Но на это ответил жёстко:

– Хорошо понимаю, что путь непростой. Но тем не менее уверен – вы справитесь. В конце концов, вы же Аарон Старк. Говорить о невозможности – слишком слабая позиция для вас.

Если уж вы всю жизнь твердили, что "делаете невозможное возможным", придётся соответствовать этому лозунгу.

– К тому же вы не похожи на остальных руководителей крупных корпораций, одержимых одной лишь прибылью. Когда речь заходит о том, что правильно и что полезно для человечества, вы не жалеете ни сил, ни времени. Это знают все.

Вы ведь сами не раз говорили, что работаете ради будущего всего человечества.

Значит, даже если будет тяжело, вы обязаны дойти до конца.

– Разумеется, если вы и правда считаете это невозможным... тогда мне придётся найти кого-то другого на эту роль.

Если вы отступите сейчас, ваше место займёт другой. Сможете ли вы спокойно смотреть, как кто-то иной становится главным героем новой ИИ-эпохи?

От этих слов на лбу Старка пролегли глубокие морщины. Мысль о том, что символом революции может стать кто-то другой, явно причиняла ему дискомфорт.

И тут улыбнулся, и продолжил мягче:

– Конечно, в глубине души вы, скорее всего, хотите принять этот вызов. Но если говорить прагматично, главное препятствие – стартовый капитал. Создание компании требует колоссальных вложений.

Иными словами, без внешних инвесторов не обойтись. А учитывая количество его текущих проектов без явного успеха, привлечь деньги прямо сейчас было бы непросто. Но и это можно было решить.

– Совсем скоро вас ждёт огромный переломный момент. По моим расчётам, уже в следующем месяце вы внезапно станете мировой звездой. И тогда одного объявления о том, что вы создаёте ИИ-компанию, будет достаточно, чтобы инвесторы со всего мира выстроились в очередь. Сбор средств станет пустяком.

В следующем месяце. Его многоразовая ракета совершит исторический прорыв – первое в мире успешное возвращение ступени. После этого Старк мгновенно взлетит и закрепится в статусе глобальной иконы.

– Вы слишком оптимистичны. Eagle ещё не показал таких результатов...

– Нет. Вы обязательно добьётесь успеха. Вы – Аарон Старк.

Произнёс это твёрдо и улыбнулся так, будто знал нечто большее.

– Понимаю, сейчас вам трудно в это поверить. Почти все сначала сомневаются, услышав мои прогнозы.

Да, поначалу мне никогда не верили. Но каждый раз итог был один и тот же.

Сразу посмотрел ему прямо в глаза и закончил:

– Считайте это ставкой и просто подождите до декабря. Когда придёт это время, перед вами откроется совершенно новый путь.

Расставшись с Аароном Старком, спокойно вернулся в свой номер. Дверь мягко щёлкнула за спиной, отрезая шум коридора, и в комнате сразу стало тихо, пахло кондиционером и свежевystираным бельём. Наконец ослабил галстук, почувствовав, как ткань наконец перестаёт давить на горло, и тяжело рухнул на диван. Пружины глухо вздохнули под весом тела.

"Он сдался куда легче, чем ожидал..."

Встреча вышла неожиданной, почти случайной, но в итоге всё сложилось именно так, как было нужно мне. Старк больше не настаивал на участии в Next AI. Более того, в его чёрно-белой картине мира, где существовали лишь союзники и враги, мне удалось занять редкую, идеально выверенную позицию – нейтральную.

"Лучшего исхода и придумать нельзя".

В инвестициях важнее всего ликвидность. А нейтралитет – это её высшая форма. Он позволяет в любой момент развернуться в нужную сторону, без скрипа, без потерь, ориентируясь лишь на обстановку. Пока что удерживать эту позицию было самым разумным решением.

И всё же...

– Могу ли таким макаром развернуть Старка в обратную сторону?

Мысль вспыхнула внезапно, как разряд тока, и по позвоночнику пробежал холодок. Кожа покрылась мурашками.

– Что за чушь лезет в голову!

Одним из главных правил, которые установил для себя после возвращения назад во времени, было простое и жёсткое: никогда не связываться со Старком.

Он – непредсказуемая переменная. Неуправляемый хаос. А хаос лучше держать как можно дальше от себя.

И всё же...

В этом мире нет ничего, что нельзя было бы использовать. Даже хаос.

Разумеется, я ни за что не позволил бы этой разрушительной силе взорваться рядом со мной. Но если взрыв произойдёт достаточно далеко...

"Может быть".

В итоге же ведь сам предложил Старку создать собственную ИИ-компанию.

Тогда это было лишь импровизацией, способом погасить напряжение и увести разговор в сторону... Но чем дольше прокручивал эту мысль в голове, тем отчётливее понимал – идея не так уж и плоха.

"И время выбрано идеально".

Уже в следующем месяце Space Z совершит прорыв – успешный запуск и возвращение многоразовой ракеты. Событие, которое встряхнёт всю космическую индустрию, словно землетрясение. Настоящая смена парадигмы.

До этого момента первые ступени ракет были дорогими одноразовыми игрушками. Отработали – и в океан. Металл, электроника, миллионы долларов – всё уходило на дно, превращая освоение космоса в бездонную финансовую пропасть.

Но Старк перевернул саму формулу одним простым вопросом. А что, если не выбрасывать? Что, если использовать снова? Инновация не заканчивается идеей. Самое важное – исполнение.

Он уже пережил бесчисленные провалы, но на этот раз всё будет иначе. Ступень не просто вернётся – она сядет точно, почти ювелирно, будто положенная рукой мастера. Повреждения от перегрева окажутся минимальными, и после обслуживания ракету можно будет снова отправить в полёт уже через год.

Эта победа вызовет цепную реакцию. С этого момента Аарон Старк начнёт писать собственную легенду по-настоящему.

И тут ко мне вновь вернулась мысль, которую так старательно отгонял.

"С такой огневой мощью... разве не могу обратить её себе на пользу?"

Стоило допустить это предположение, как тело снова охватила дрожь. Потому резко мотнул головой, будто мог вытряхнуть опасную идею физическим движением.

"Не спеши".

Затем глубоко вдохнул, ощущая, как прохладный воздух наполняет лёгкие, и заставил себя успокоиться. Сам факт того, что вообще допускал мысль связаться со Старком, уже выглядел тревожным симптомом.

Причина, по которой размышлял о таком риске, от которого в обычной ситуации бежал бы без оглядки, была предельно ясной и оттого ещё более неприятной. Биологический образец Майло.

Если бы мне удалось как следует его проанализировать, я получил бы ключ к самому страшному и загадочному элементу болезни Кастлемана – к её "переключателю безумия". Образец уже лежал у меня в руках. Холодный контейнер, стерильный запах пластика, тихий

гул охлаждающего элемента – всё это было реальным, осязаемым. Не хватало лишь одного. Технологии анализа.

А такой технологии в мире ещё не существовало.

Мне нужно было вытащить в сегодняшний день ИИ-разработки, которые должны были появиться на рынке только через два года... И это было не то, что можно решить обычным влиянием.

Речь не шла о переговорах с одной компанией или убеждении одного человека. Мне требовалось раскатать весь рынок целиком. Капитал. Производственные цепочки. Инвесторы. Акционеры. Топ-менеджеры. Всех их нужно было схватить за ворот и хорошенько встряхнуть. Именно поэтому мои мысли снова и снова возвращались к Старку. Когда нужно всколыхнуть рынок целиком, нет ничего эффективнее, чем бомба.

– Фух...

По спине снова пробежал холод, будто кто-то провёл ледяным пальцем вдоль позвоночника. После чего пошёл в душ, включил горячую воду до предела, позволил пару обжечь кожу, надеясь смыть это ощущение.

Бесполезно.

Чем активнее мозг искал способы использовать Старка, тем глубже холод впитывался в кости.

– Хватит. Пока ещё ничего не решено, верно?

Не было никакой уверенности, что Старк вообще возьмётся за создание ИИ-компании. Конечно подбросил идею – а дальше он мог поступить, как угодно.

И всё же...

"А если?"

И тут взял телефон, открыл соцсети и зашёл на страницу Старка. Как и ожидалось. Человек, превращавший каждый свой шаг в прямой эфир, уже выложил несколько новых записей.

– Некоторые встречи меняют взгляд на будущее, а другие – само будущее. Сегодня было интересно.

Всего две строки – и под ними уже десятки комментариев и цитат.

– Старк опять играет в шахматы пятого измерения?

– Бросил бомбу словом "интересно" и исчез, как ни в чём не бывало.

– Твиты Старка – как сообщения от бывшей. Думаешь "и что?", но всё равно не можешь перестать перечитывать...

– Изменить будущее...?

Это уже было похоже на намёк. Даже ещё не успел додумать мысль, как появился новый пост.

– Кому вообще должен принадлежать ИИ? Серьёзный вопрос.

Это был почти прямой сигнал.

"Хороший знак".

И уже собирался отложить телефон с лёгким чувством удовлетворения, как экран снова мигнул.

– Некоторые из самых влиятельных людей вообще не пользуются соцсетями. Если бы они знали, как это весело, мир стал бы куда интереснее.

Это сообщение было адресовано мне напрямую. Когда мы расставались, он долго и с явным недоумением читал мне лекцию о том, почему не веду соцсети.

После этого посты посыпались лавиной. Мемы. Обрывки шуток. Намёки, смысл которых ускользал, как дым.

У меня закружилась голова от одного взгляда на экран, и потому поспешно выключил телефон.

Если честно...

Даже косвенное взаимодействие с ним через экран ощущалось так, будто из меня выкачивают энергию.

"Пока что... отложим Старка в сторону".

Глубоко вдохнул, прислушиваясь к тишине комнаты и собственному дыханию, и решил не торопить события.

Он оставался вариантом на самый крайний случай. Потому мысленно отодвинул его подальше – туда, где лежат решения, к которым прибегают только тогда, когда завтрашняя встреча окончательно провалится.

На следующий день направился в штаб-квартиру Envid. Здание встретило меня сдержанной, почти холодной красотой. Стекланный фасад отражал серое небо, линии архитектуры были строгими и выверенными, а аккуратные клумбы у входа пахли свежей землёй и влажной хвоей. Ни одной лишней детали, ни намёка на показную роскошь.

Особенно бросалось в глаза другое – здесь не было привычного духа Кремниевой долины с её нарочитой свободой и вымученной "креативностью". Ни пуфов, ни гамака в холле, ни столов для пинг-понга. За стеклянными перегородками офисов мелькали самые обычные рабочие места – столы, мониторы, люди, сосредоточенные и молчаливые.

Меня провели в переговорную. У окна стоял мужчина и смотрел на город. Когда дверь закрылась, он обернулся. Это был Якоб Ёнг, генеральный директор Envid.

На нём была тёмно-синяя кожаная куртка – не худи стартапера и не деловой костюм, а что-то среднее, подчёркивающее его собственный стиль. От этого образа веяло уверенностью, лёгким вызовом и ощущением, что здесь он хозяин.

Он внимательно посмотрел на меня секунды три, не меньше, после чего улыбнулся.

– Шон, наконец-то познакомились. Это...

В переговорной уже находились сотрудники юридического отдела и команды по работе с инвесторами. Короткие представления, кивки, шорох бумаг. Якоб сел за стол, сцепил пальцы и посмотрел прямо на меня.

– В каком качестве вы сегодня здесь? Как инвестор? Или...

Смысл вопроса был прозрачен. Он уточнял, пришёл ли как крупный акционер, владеющий восемью процентами Envid.

– Скажем так – как крупный акционер и потенциальный деловой партнёр.

– Понимаю. Тогда с каких вопросов вы хотите начать?

– Для начала – с позиции акционера.

И потому не стал ходить вокруг да около.

– Как вы понимаете, приобрёл восемь процентов Envid не потому, что верю только в игровые видеокарты. Более того, уверен, что эта компания способна выйти далеко за пределы гейминга и открыть куда более масштабный рынок.

– Вы говорите об ИИ? – перебил он с лёгким смешком. – Поверьте на слово, в курсе вашей деятельности. Мне даже не пришлось специально что-то выяснять – такие вещи быстро становятся известны.

Он прозрачно намекал, что знает о моих инвестициях в ИИ-стартапы Кремниевой долины. Меня это не смутило. Да и не собирался ничего скрывать.

– Все ИИ-компании в моём портфеле упираются в одну и ту же проблему. Им отчаянно не хватает специализированных процессоров для глубинного обучения. Игровые архитектуры – это костыль, а не решение.

– Понимаю.

– И это не частная боль отдельных компаний. Это узкое горлышко всей индустрии. Весь рынок ИИ зажат ограничениями вычислительных мощностей. Если Envid первой предложит полноценное решение, вы захватите формирующийся сегмент и серьёзно увеличите стоимость компании.

Якоб на несколько секунд замолчал. Его взгляд стал осторожным, оценивающим, будто он взвешивал не только мои слова, но и меня самого.

– Вы понимаете, что сейчас не могу делиться ничем сверх того, что уже опубликовано. Закон о ценных бумагах обязывает нас обеспечивать равный доступ к информации для всех инвесторов.

Это была формальная, но необходимая ремарка. Именно поэтому в комнате находились юристы. Но именно поэтому крупные акционеры и добиваются личных встреч. Даже не произнеся ни слова напрямую, можно многое понять по паузам, интонациям, выражению лица.

– Разумеется. Вовсе не прошу раскрывать дорожную карту продуктов. Мне важно лишь понять, осознаёт ли руководство Envid потенциал этого рынка и есть ли у компании стратегия на фоне грядущих изменений в индустрии.

– Мы внимательно отслеживаем рыночные тенденции и предпринимаем соответствующие шаги.

Классический корпоративный ответ – гладкий, обтекаемый, не закрывающий ни одной двери.

– Тогда позвольте задать вопрос уже как потенциальному партнёру. Моим компаниям нужны чипы с поддержкой вычислений FP16 и интеграцией HBM. Если вам требуется подтверждение спроса, могу гарантировать – по крайней мере в этом сегменте реальный рынок уже существует. Как вы смотрите на возможность сотрудничества в этом направлении?

И недвусмысленно дал понять: если Envid создаст такие процессоры, мои стартапы станут их покупателями.

Но Якоб ответил, не изменившись в лице ни на йоту.

– Мы всегда открыты для обсуждения любых форм партнёрства.

Его голос звучал ровно, почти безэмоционально, а в воздухе переговорной повисла плотная, настороженная тишина.

"Лжец".

Если бы его слова были искренними, он бы тут же попросил конкретику – объёмы предполагаемых заказов, точные технические требования, сроки поставок. Но он не задал ни одного такого вопроса. А значит, процессоры для глубинного обучения по-прежнему не стояли для Envid в приоритете. Компания собиралась и дальше доить проверенную корову – игровые GPU.

Потому снова заговорил, намеренно повторяя мысль, будто вбивая гвоздь.

– На рынке ИИ прямо сейчас происходит смена парадигмы. Это тот самый момент, когда ранний вход определяет будущих монополистов.

Прямо дал понять ясно и без экивоков – не отстану, пока не услышу внятного ответа.

После короткой паузы Якоб Ёнг наконец заговорил.

– Мы полностью осознаём потенциал рынка глубинного обучения. Однако выбор момента входа не может строиться исключительно на прогнозах спроса. Мы обязаны учитывать зрелость технологий, состояние цепочек поставок, распределение ресурсов разработки и многое другое...

– Даже с учётом всего этого сейчас – подходящее время.

Якоб снова замолчал, вглядываясь в меня, словно примеряясь, затем продолжил уже другим тоном – более сухим, техническим.

– Помимо рыночных перспектив есть и сугубо инженерные сложности, которые возникают при переходе к реальному производству. Инвесторы смотрят на графики и цифры, а нам

приходится думать об архитектурных ограничениях, интеграции программного обеспечения, нюансах производства.

Его пальцы начали отбивать ровный, почти раздражающий ритм по столешнице.

– Например, полноценная поддержка FP16 потребует полного пересмотра текущей SIMD-архитектуры, заточенной под FP32. Это изменение упаковки данных, переработка внутренних регистров. Если при этом упадёт эффективность векторизации, мы рискуем пожертвовать даже текущей производительностью FP32.

Он чуть наклонился вперёд.

– HBM – тоже не панацея. Да, пропускная способность возрастёт кратно, но по сравнению с GDDR5 это другое напряжение, совершенно иная структура контроллера памяти. Если мы ошибёмся, интерфейс памяти может стать узким местом похуже самих вычислительных блоков...

На середине фразы его лицо вдруг изменилось. Он словно очнулся и поспешно остановился.

– Ах, прошу прощения. Проще говоря – от проектирования до серийного выпуска остаётся слишком много нерешённых задач.

Едва заметно усмехнулся про себя.

"Он меня недооценивает".

Это был старый приём – завалить собеседника потоком терминов, дать понять: "Ты, парень с Уолл-стрит, всё равно этого не поймёшь". В этом ощущалась и скрытая снисходительность.

Когда оппонент выбирает такую тактику, вежливость становится излишней.

– Похоже, вы не намерены учитывать мои предложения.

– Это не так. Я всегда открыт к диалогу.

Тогда оставался только один ход.

– Открытость – это как раз кстати. После сегодняшнего разговора у меня возникло желание внести вклад в Envid более напрямую.

И посмотрел ему прямо в глаза.

– Меня знают как человека, способного предвидеть развитие целых отраслей. Я хотел бы применять это знание не со стороны, а изнутри.

– Вы хотите сказать...?

– Да. Я намерен войти в совет директоров.

Мне нужно было место в совете. Только там можно было напрямую влиять на курс компании. Якоб открыл рот, его лицо заметно напряглось.

– Мы высоко ценим ваши способности, но совет директоров формируется с упором на техническую экспертизу.

– Вы считаете, что мне не хватает квалификации? Более чем уверен, что могу дать компании серьёзную стратегическую ценность.

– Нет. Консультации по рынкам, отраслевым трендам, движению капитала были бы крайне полезны. Я даже готов обсуждать это. Но, тем не менее, сейчас это преждевременно.

Тогда просто улыбнулся. Он всё ещё думал, что-то там "прошу".

– Иными словами, вы отказываетесь от моей поддержки.

Лицо Якоба стало ещё жёстче.

– Вы же не собираетесь навязывать нам помощь?

– Навязывать? Разумеется, нет. Всем известно, что никогда никого не принуждаю. Просто намерен обратиться к акционерам – чтобы выяснить, действительно ли мой вклад компании не нужен.

Акционеры. Это был прямой намёк на борьбу за доверенности на общем собрании. И он это понимал.

– Если дело дойдёт до открытого противостояния, преимущество будет на моей стороне.

Я – один из самых известных управляющих хедж-фондами на Уолл-стрит, человек с репутацией почти пугающе точных прогнозов. Мой голос акционеры игнорировать не станут.

– Вовсе не хочу создавать ненужных внутренних конфликтов. Даже слухи об этом могут раскачать котировки и поставить руководство в сложное положение. Поэтому...

И одарил его светлой, почти дружелюбной улыбкой.

– Может, вы просто тихо уступите одно место в совете – без лишнего шума?

Глава 2

После встречи с Сергеем Платоновым в штаб-квартире Envid не осталось и следа от прежнего спокойствия.

Едва за ним закрылась дверь, как Якоб Ёнг, генеральный директор компании, потребовал немедленно собрать совет директоров. В зале ещё витал запах свежего кофе и холодного металла кондиционеров, а на стеклянных стенах дрожал отражённый дневной свет, когда он, не тратя времени на вступления, бросил:

– Сергей Платонов заявил о намерении войти в совет директоров. Если мы откажем, он готов пойти с нами в лобовую – через прокси-войну на собрании акционеров.

На несколько секунд помещение словно вымерло. Даже гул вентиляции показался оглушительным. Лица директоров менялись одно за другим – сначала недоверие, будто они не слышали, потом растерянность, затем откровенный, липкий страх.

– П-подожди... ты сказал Сергей Платонов? Тот самый Сергей Платонов? – выдавил кто-то сиплым голосом.

– Да.

– Тот самый Касатка собирается драться с нами на собрании акционеров?

Шок накрыл всех разом.

Имя Сергея Платонова не нуждалось в пояснениях. Это был человек, который в одиночку переломил ход валютной войны с Китаем. Основатель Института Дельфи, чьи прогнозы раз за разом сбывались с пугающей точностью – от скандала с MDB до греческого дефолта.

Называть это "прогнозами" было слишком мягко.

На самом деле Платонова считали предвестником катастроф. Где он появлялся – там рушились рынки, трескали корпорации, летели головы топ-менеджеров.

И теперь этот самый человек стучался в двери Envid. Более того – он хотел войти внутрь и усесться в самом сердце компании, за столом совета директоров. А в придачу недвусмысленно дал понять: откажут – будет война.

– Прямое столкновение с Сергеем Платоновым... это же самоубийство!

– Д-да! Если мы ввяжемся в бой, который не сможем вытянуть, последствия будут катастрофическими! Особенно если против нас Платонов!

Вывод у всех был один. Сергей Платонов – противник, которого невозможно победить. Если можно избежать беды, пожертвовав всего одним креслом в совете директоров, колебаться глупо.

Но Якоб Ёнг был единственным, кто не поддался панике.

– Прошу всех успокоиться.

– Как ты можешь быть спокойным?! Он открыто заявил о прокси-войне!

– А ты забыл, что случилось с Herbalife и Valeant? Если с нами произойдёт то же самое...

Одной мысли об этом хватало, чтобы по спине пробежал холод. Однако Якоб оставался непоколебим. Его голос звучал твёрдо, почти холодно.

– Если мы будем принимать решения, поддавшись страху, мы обязательно пожалеем. В такие моменты нужно сохранять ясную голову и думать рационально.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

– Сергей Платонов всегда охотится только на слабых.

Так оно и было. Активистские фонды вроде его – хищники, идущие на запах крови. Слабые показатели, недоверие акционеров к руководству, падающая капитализация – им нужны уязвимости, чтобы оправдать атаку.

– А у Envid сейчас таких слабых мест нет.

В ноябре 2015 года компания была почти идеальной. Абсолютное доминирование на рынке игровых GPU, стремительный рост сегмента дата-центров, крепкие финансы, двузначные темпы роста и акции, подскочившие за год на сорок процентов. Зацепиться вроде бы было не за что.

– Кроме того, у меня есть глубокое доверие и поддержка акционеров.

Якоб Ёнг не был обычным наёмным директором. Он был основателем Envid, её лицом и символом. Именно его видение и одержимость инновациями годами толкали компанию вперёд. Он был сердцем Envid.

Как Стив Джобс в лучшие годы Apple – не просто руководитель, а сама суть компании.

– Даже если дело дойдёт до голосования, у нас более чем реальные шансы победить.

Если бы противником был любой другой хедж-фонд, директора, не сомневаясь, кивнули бы. Но им противостоял Сергей Платонов – Касатка, убийца акул.

И здесь привычная логика рынка могла просто не сработать.

– На Платонова не действуют обычные правила! За ним стоят фанатичные последователи!

За спиной Сергея Платонова стояла не просто группа сторонников – за ним тянулась целая армия частных инвесторов. Шумная, пёстрая, упрямая, как рой муравьёв, она боготворила его почти религиозно.

В обычной ситуации директора лишь усмехнулись бы, услышав про "каких-то там мелких инвесторов". Но не сейчас. Не после того, как они собственными глазами увидели, на что способна эта толпа во время истории с Herbalife и совсем недавней валютной войны. Тогда этот рой оказался куда опаснее любого одиночного хищника.

– И это ещё не всё, – вырвалось у кого-то. – Крупные институционалы доверяют ему безоговорочно!

А ведь именно они, тяжёлые и неторопливые, словно тектонические плиты, и решали исход любой прокси-войны. Их голос был решающим.

Алгоритм "чёрного лебедя", созданный Сергеем Платоновым, давно стал для крупных фондов чем-то вроде оракула. Его прогнозам верили так, как верят сухим цифрам отчёта аудитора.

– Даже если Envid – крепость с толстыми стенами... если против нас Платонов... – фраза повисла в воздухе, так и не договорённая до конца.

Победа переставала быть чем-то само собой разумеющимся. В этот момент Якоб Ёнг медленно обвёл взглядом всех присутствующих. Его лицо было спокойным, почти холодным, словно отполированный камень.

– Хорошо. Допустим, – сказал он тихо, но отчётливо, – мы уступаем и даём Сергею Платонову место в совете директоров. Вы правда думаете, что он просто сядет и будет молчать?

Ответом ему стала тишина. Даже кресла будто перестали скрипеть. Глаза Якоба блеснули.

– Это не решение проблемы. Это её настоящее начало. Такой шаг будет равносителен тому, чтобы из страха распахнуть дверь и пригласить бедствие войти самому.

– Тогда что же нам делать... – голос прозвучал глухо, почти беспомощно.

И ровно в эту секунду из динамика на середине стола раздался спокойный электронный сигнал, а затем ровный голос секретаря:

"Сэр, я соединила вас с консультантом, которого вы просили."

– Консультантом...? – несколько человек переглянулись.

– Да. Я решил, что в этой ситуации нам понадобится человек, который знает Платонова лучше остальных, – ответил Якоб и нажал кнопку.

Экран на стене мигнул, пробежала рябь, и вскоре появилось лицо мужчины средних лет.

– Здравствуйте. Пирс, Goldman.

Это был тот самый Пирс, который наблюдал за Сергеем Платоновым ещё с тех времён, когда тот был зелёным новичком в Goldman Sachs. Ходили слухи, что всякий раз, когда на Уолл-стрит возникала проблема, связанная с Платоновым, первым делом звонили именно ему. Якоб не стал тянуть.

– Вы, полагаю, уже в курсе происходящего. Мы хотим пережить этот кризис. Есть ли способ?

– Вы ищете способ остановить Сергея Платонова, – проговорил Пирс без лишних слов.

– Именно.

– Такого способа не существует.

На лбу Якоба пролегла глубокая складка.

– Если выхода нет, то зачем вообще было устраивать этот разговор?

– Вы меня неправильно поняли. Я не сказал, что выхода нет вовсе. А сказал, что вы не можете остановить его напрямую.

– Тогда что вы имеете в виду...

Пирс посмотрел прямо в камеру, и в его голосе появилась жёсткая уверенность.

Сергей Платонов – это стихийное бедствие. Вы всерьёз думаете, что человек способен остановить ураган или землетрясение?

Он сделал короткую паузу.

– Это невозможно. Чем яростнее сопротивление, тем разрушительнее последствия. Поэтому единственный разумный шаг – дать ему то, чего он хочет.

– Вы предлагаете... посадить Сергея Платонова в совет директоров? – в голосе Якоба прозвучало раздражение.

– Да.

По лицу Якоба пробежала тень недовольства.

– Не уверен, кому именно должно помочь такое советование".

Намёк был ясен – слишком уж тесной казалась связь Пирса с Платоновым.

Пирс нахмурился, словно поражённый этим предположением, но быстро взял себя в руки.

– Если Платонов выбрал Envid целью, бедствие уже неизбежно. И если вы начнёте метаться, пытаясь его избежать...

На мгновение в его взгляде мелькнула усталость человека, который видел подобное не раз.

– Вы только усугубите ситуацию. Чем сильнее вы будете ему противостоять, тем шире он развернёт игру – так, как вы даже представить себе не можете.

На его губах появилась горькая улыбка, знакомая лишь тем, кто пережил это на собственной шкуре. Но уже в следующую секунду он снова стал собранным и твёрдым.

– Есть лишь один способ взаимодействовать с Сергеем Платоновым – принять катастрофу.

– Инстинктивно вам захочется отвергнуть её. Это нормально. Но если вы подавите этот страх и позволите ему войти, награда может оказаться колоссальной. Вспомните, что произошло с Erisuga и Allergan.

Истории Erisuga и Allergan тогда гремели на весь рынок.

Обе компании когда-то оказались под ударом – таким, от которого, казалось, не оправляются. Сводки новостей звучали как приговор, цифры в отчётах пахли гарью, а переговорные комнаты наполнялись тяжёлой тишиной, будто после взрыва. Сначала всем казалось – это конец. А потом шторм ушёл.

Erisuga, стряхнув с себя пепел, взмыла вверх, словно птица, расправившая крылья после долгой бури. Её начали называть "вторым Chipotle", акции росли, как на дрожжах, а генераль-

ный директор Уитмер превратился в желанного гостя ток-шоу – его улыбка мелькала на экранах чаще, чем логотип компании.

Allergan тоже не просто выжила – она сменила кожу. Из объекта насмешек она стала "честной компанией", примером прозрачности и упорства. Для неё наступил второй золотой век – тёплый, спокойный, наполненный уверенностью.

– От тайфуна нельзя уклониться, – сказал Пирс тогда спокойно, словно читал прогноз погоды. – Но что вы увидите, когда ветер стихнет – выжженную пустыню или рассвет новой эпохи, – зависит от решения, которое вы примете сейчас.

Он улыбнулся – уверенно, почти обнадеживающе.

– И я, Пирс, помогу вам встретить эту новую эпоху во всём её блеске.

– Шон, это документы от Envid.

Николь, моя секретарь, протянула мне чёрный плотный конверт. Бумага шуршала в её руках, пахла свежей типографской краской. Внутри лежала внушительная стопка.

"Решение о назначении в совет директоров"

Вы официально назначены независимым директором Envid решением совета директоров. Просим ознакомиться, подписать и вернуть следующие документы:

1. Контракт члена совета директоров
2. Обязательство о конфликте интересов

Я невольно наклонил голову набок.

"Слишком просто".

Всего несколько дней назад Якоб Ёнг сам позвонил мне и сухо сообщил, что моя кандидатура одобрена. Тогда просто не поверил. Честно – ожидал подвоха.

"Должны быть проверки, собеседования, допросы", – мелькнуло у меня в голове.

Совет директоров, набитый технарями до мозга костей, не стал бы радушно принимать человека с Уолл-стрит. Они обязаны были устроить экзамен – с ходу засыпать меня вопросами о архитектурах, пропускной способности, узких местах. Ошибка – и повод отказать готов.

Так должно было быть.

Но крышка конверта открылась, и мне просто протянули кресло в совете – без борьбы, без торга, без сопротивления.

"Что это вообще такое?"

Какой бы вес ни имело моё имя, Envid – не та компания, которая сдаётся без боя. Значит, был скрытый расчёт.

Ответ не заставил себя ждать. Пирс пришёл ко мне в офис лично.

– GPU-бизнес... ведь это не совсем ваша специализация? – спросил он, оглядываясь, будто проверяя, нет ли лишних ушей.

– Значит, вы теперь консультант Envid.

Пирс по-прежнему возглавлял инвестиционно-банковское направление Goldman. А одна из ключевых задач таких банков – именно это. Корпоративная оборона. Щит для клиента, когда к нему приближается хищник. Иначе говоря, Envid выставила Пирса между собой и мной.

– Они так легко отдали место в совете по вашей рекомендации?

– Да.

– Ну что ж, вы избавили меня от лишней суеты.

– Я сделал это не из любезности. Я прекрасно понимал, какой ход вы сделаете, если бы вам отказали.

– И какой же?

Пирс пожал плечами.

– Тот Шон, которого я знаю, не стал бы ждать собрания акционеров. Вы бы прижали их сразу. Что-нибудь в духе: "Я выхожу из капитала прямо сейчас и ухожу к конкурентам".

Он произнёс это спокойно, почти буднично. И от этого его слова звучали особенно убедительно.

На мгновение реально потерял дар речи. Если бы Envid тогда отвергла мои условия, действовал бы именно так – без колебаний и сантиментов. Стоило Сергею Платонову вывести капитал из Envid и публично вложиться в конкурента, и картина сложилась бы сама собой. Да, результат возможно был бы чуть похуже, но кому какая разница, кто именно получил бы этот куш. Одна компания выглядела бы тонущим кораблём с кренящимися палубами, другая – ослепительным восходящим солнцем, от которого невозможно отвести взгляд.

Инвесторы, привыкшие следовать за мной, рванули бы вслед, как стая птиц за вожаком. Боле того, собирався подчеркнуть этот эффект, усилить давление, закрепить преимущество...

Но Пирс увидел всё заранее. Он вскрыл мой замысел ещё до того, как я сделал первый шаг. Ощущение было неприятным – как будто тебя прочитали вслух, не спросив разрешения. Особенно раздражала его спокойная, почти самодовольная уверенность.

– Я ошибаюсь? – спросил он, чуть прищурившись.

– Полностью, – ответил ему сухо. – Будем откровенны, никогда никому не угрожаю. Хотя, признаю, меня иногда неверно понимают...

– Да-да, конечно, – он махнул рукой, обрывая меня без тени вежливости, видимо вспоминая, как это недопонимание случилось и с ним самим.

– Я пришёл сегодня именно для того, чтобы таких... недоразумений не возникало. Насколько понял, тебя интересуют гарантированные объёмы поставок для стартапов, в которые ты вложился?

Он перешёл прямо к сути, без вступлений и реверансов.

Роль Пирса была очевидна – посредник, буфер, человек, который должен свести интересы сторон и найти компромисс, пока ещё не пахнет дымом.

– Если тебе нужны только объёмы, место в совете директоров вовсе не обязательно. Envid готова закрыть все твои потребности по поставкам.

– Речь не только об объёмах, – ответил ему, чувствуя под пальцами холодную гладь стола.

– Так вышло, что хочу участвовать в формировании всей продуктовой стратегии Envid.

– И с этим тоже нет проблем.

Пирс сделал паузу, глубоко вдохнул, словно подбирая слова.

– Раньше мы не могли делиться деталями – ты был внешним игроком. Теперь ситуация иная. Более того, Якоб Ёнг во многом разделяет твоё видение.

– То есть вы всерьёз рассматриваете переход в сторону deep learning?

– Именно. Envid уже вложила серьёзные средства в разработку соответствующих продуктов и планирует постепенно выводить их на рынок со следующего года.

Выходило, что компания готовилась к полномасштабному развороту в сторону ИИ. Но всё это пока держалось под замком – тишина была важнее слов.

– Если Envid объявит об этом слишком рано, конкуренты тут же бросятся следом. Этого нельзя допустить. Вопрос времени здесь решает всё.

Нужно было выбрать момент – самый выгодный, самый хищный, когда рынок можно взять за горло одним движением.

– Когда планируется релиз нового продукта? – спросил я.

– Ориентировочно летом. Но ради тебя они готовы сдвинуть приоритеты и обеспечить поставки раньше. Как тебе такое?

Предложение было прозрачным: мы выполняем твои требования – ты убираешь руку с двери совета директоров.

На это лишь отрицательно покачал головой.

– Этого недостаточно. Потому что хочу, чтобы релиз следующего продукта был перенесён на этот год.

Пирс нахмурился, между бровей легла тень.

– То есть ты намерен давить не разово, а на постоянной основе.

Именно так. Мне была не нужна разовая уступка. Мне нужны были ускоренные релизы – этого продукта, следующего, всех, что стояли в очереди.

– И после этого ты всё ещё считаешь, что у меня нет причин входить в совет директоров? – спокойно спросил я.

Пирс тяжело выдохнул, словно сбрасывая невидимый груз.

– Может, поужинаем вместе? Давно не виделись.

Это было не приглашение поесть. Это было обещание – он прощупает Якоба Ёнга за ужином и принесёт мне результат.

– Ужин...

Честно говоря, мысль об этом вызывала отвращение. Наши прошлые совместные трапезы убедили меня, что за столом у Пирса отсутствуют элементарные манеры. Аппетит исчезал быстрее, чем подавали первое блюдо.

– У меня уже есть планы. Но после могу выпить с тобой коктейль.

– Договорились.

Естественно, спокойно поужинал без него – с хорошим вином, мягким светом и приятной музыкой, не раздражающей слух. И около девяти вечера мы снова встретились – в закрытой комнате нью-йоркского клуба, где воздух пах дорогим алкоголем и полированным деревом. Пирс взглянул на меня – и сразу сказал, без прелюдий:

– На этот раз, боюсь, всё пойдёт не по твоему сценарию.

Мои условия уже успели дойти до Якоба Ёнга – через Пирса, аккуратно, без лишних эмоций и резких углов. А я сидел напротив, чувствуя, как мягкое кресло слегка поскрипывает подо мной, и ждал ответа. В воздухе витал запах дорогого виски и полированного дерева, где-то негромко звякали бокалы, а за стенами клуба глухо шумел вечерний Нью-Йорк.

Это был не настоящий бой, а скорее разведка. Переговоры через посредника, без прямого столкновения взглядов. Я называл такие вещи "тренировочным матчем". Как партия в шахматы, где фигуры уже расставлены, ходы просчитаны, но результат ещё ни на что не влияет. Здесь важно не победить, а понять, как думает противник и где у него слабые поля.

Честно говоря, подобные игры давно не любил. Моим стилем всегда был резкий выпад – неожиданный удар в самое уязвимое место, когда оппонент ещё не успел собраться с мыслями. В такие моменты люди ошибаются, суетятся, говорят лишнее. Но "тренировочный матч" лишал этого преимущества. Ты словно заранее раскрываешь карты, позволяя другой стороне изучить твою руку.

Жаль... но выбора не было.

После первой встречи с Якобом Ёнгом хорошо понял – с этим человеком так просто не получится. Он требовал именно такой осторожной, многоходовой игры.

И вот Пирс, устроившись напротив, заговорил, негромко, будто зачитывал приговор.

– Начнём с главного. Ты требуешь ускорить выход продукта.

Это был мой первый ход. И речь шла не об одном-единственном чипе. Да, хотел сдвинуть весь график – всю продуктовую линейку, настоящую и будущую.

Как он отреагирует?

– По сути, ты просишь сократить весь жизненный цикл продуктов. Это невозможно. Слишком частые обновления приносят больше вреда, чем пользы. У них просто нет ни одной разумной причины соглашаться.

Он был прав. Даже не углубляясь в бардак, который начнётся в разработке и на производстве, – частые апгрейды всегда бьют по продажам.

Это было всё равно что требовать выхода iPhone 5 через полгода после iPhone 4. Люди, собиравшиеся купить предыдущую модель, начинали ждать следующую. Продажи падали. Формировалась привычка откладывать покупку "на потом". А если разница между поколениями становилась слишком маленькой, падал и интерес – бренд тускнел, ожидания снижались.

Все эти риски и так знал.

И всё же...

– У меня есть решение, – спокойно сказал в ответ.

– Даже если оно у тебя есть, они не станут слушать.

Ответ Пирса был жёстким, почти холодным. Ни намёка на торг. И это было не его мнение. Это был голос Якоба Ёнга.

– К тому же ты хочешь ускорить и следующий продукт. И это тоже невозможно.

Слова легли тяжёлым грузом. Ни единой уступки, ни малейшей трещины.

– В других направлениях, возможно, они пошли бы тебе навстречу. Но не в этот раз. Следующая линейка – не просто рост производительности. Это символический поворот. Переход от игровых GPU к специализированным чипам для deep learning. И здесь они не допустят вмешательства ни с чьей стороны.

Задумчиво провёл пальцами по холодному стеклу стола.

– Если поговорю с ним напрямую, всё может измениться.

Пирс тихо усмехнулся и покачал головой.

– Нет. На этот раз – нет. Даже если ты начнёшь давить, угрожать... ничего не изменится.

– Я никогда не угрожаю", – ответил почти автоматически.

Слова повисли в воздухе, смешавшись с ароматом алкоголя и лёгким гулом зала. И в этот момент стало ясно – тренировочный матч идёт совсем не по моему сценарию.

– Конечно, нет. Но если ты продолжишь давить в том же духе, Якоб Ёнг вполне может сам начать угрожать тебе.

Непроизвольно усмехнулся. Что он вообще имеет в виду?

– Угрожать мне? Якоб?

– Именно. Если ты будешь идти напролом, он просто скажет: "Увидимся на собрании акционеров".

После этих слов медленно выдохнул. В груди стало тесно, будто воздух внезапно уплотнился.

– Как и ожидалось...

Вот за что Якоб Ёнг был по-настоящему неудобен. Моя обычная "убеждающая" тактика срабатывала потому, что большинство людей боялись открытой войны. Им было проще уступить, чем втянуться в затяжной конфликт. Но Якоб не боялся драки.

– И даже...

Пирс на мгновение замолчал, словно подбирая слова, затем продолжил, понизив голос:

– Если ты продолжишь давить на этот вопрос, он готов рассмотреть вариант ухода с поста.

Непроизвольно нахмурился. Лоб сам собой собрался в складки.

– Он всерьёз говорит о том, чтобы уйти?

– Да. Он заявил, что если акционеры проголосуют в твою пользу, он сложит полномочия немедленно. И это не пустые слова.

В голове щёлкнуло.

– Проиграет голосование – уйдёт с поста генерального директора...

Ход был радикальный. Почти безумный.

Якоб Ёнг был не просто руководителем. Он и был лицом Envid, её нервной системой, её символом. Его уход ударил бы по рынку так же, как если бы Стив Джобс внезапно объявил об уходе из Apple. Котировки дёрнулись бы, инвесторы запаниковали бы, аналитики заговорили бы хором.

Если он действительно пойдёт до конца... Акционеры встанут за него горой, лишь бы не допустить такого сценария.

– Разумеется, всё ещё уверен, что смогу победить...

Потому что знал, что могу склонить большинство на свою сторону. Давить цифрами, прогнозами, обещаниями роста.

Но... Если Якоб действительно уйдёт, возникнет другая проблема.

"Победа может оказаться ядом. А может и не оказаться, ведь продукт создаёт не Ёнг, он это стратегическое видение компании. Другой вопрос, как найти того, кто его заменит в этом вопросе".

Моя цель никогда не заключалась в самом голосовании. Мне нужен был не трофей, а результат – ускорение выпуска продуктовой линейки Envid.

А уход Якоба означал бы внутренний хаос: смену руководства, пересмотр стратегий, срыв сроков, бесконечные совещания и подковерные войны. В таком случае, даже выиграв, ничего бы не получил. Война без трофеев.

И ясно увидел обе развилки. Либо проигрываю. Либо выигрываю, но Якоб уходит, и моя цель становится недостижимой. Холодный, выверенный расчёт.

– Угрозы... ты прав.

Быть тем, кому угрожают, для меня всё ещё было непривычно. Несколько дней назад Старк позволил себе нечто подобное, и вот теперь история повторялась. Странное ощущение – будто почва под ногами слегка смещается. Похоже, действительно вышел на другой уровень. Теперь и противники были соответствующие.

– Даже понимая это, ты всё равно готов сделать этот ход? – спросил Пирс.

и вдруг поймал себя на том, что испытываю странное облегчение. Тепло лампы мягко ложилось на стол, вдалеке тихо звякала посуда, а в воздухе стоял густой запах алкоголя и кожи. Хорошо, что это всего лишь тренировочный матч. Если бы это было по-настоящему...

Если бы Якоб Ёнг бросил мне это прямо в лицо, холодно и без тени сомнений, заявив о готовности уйти с поста, это стало бы не просто словами. Это был бы вызов, открытая декларация войны и последний ультиматум, после которого мы оба перешли бы черту, за которой нет дороги назад.

Но сейчас всё было иначе.

Эта информация пришла ко мне окольным путём, через Пирса, приглушённая, лишённая настоящего веса. Слова звучали, но не ранили. Мы делали ходы, однако ни один из них пока не засчитывался.

Такова природа тренировочного матча.

"Какой ход сделать следующим..."

Естественно задумался, машинально проведя пальцем по гладкой поверхности стола. Лак был прохладным, под подушечками чувствовалась едва заметная шероховатость. В голове вертелись варианты – нанести ещё один укол, проверить реакцию Якоба, или приберечь удар для настоящего боя.

Колебание длилось всего мгновение.

– Если ты подумываешь о какой-то иной форме давления – брось эту идею. На нём это не сработает.

Замечание было резким, как щелчок хлыста. И, признаться, Пирс попал в точку. Почти все ходы, что только что мелькали у меня в голове, легко можно было истолковать как принуждение. Он выпрямился, собрался и заговорил более тяжёлым, весомым тоном:

– Позволь дать тебе совет. Перестань заикливаться на различиях и обрати внимание на общее. Ты и Якоб смотрите в одну сторону. Вы спорите не о цели, а о времени. Разница всего в несколько месяцев. Стоит ли из-за этого развязывать полномасштабную войну?

"Всего несколько месяцев..."

На губах появилась кривая, почти болезненная усмешка. Для Пирса это действительно звучало незначительно. Но для меня – нет. У меня оставалось ровно семь лет и четыре месяца. На таком отрезке времени даже пара месяцев – это роскошь, которой нельзя пренебрегать.

– Прости, но для меня это стоит слишком дорого.

Отступать вовсе не собирался.

Когда же ясно и жёстко обозначил свою позицию, Пирс тяжело вздохнул. В этом вздохе было столько усталости, будто он тащил на себе чужие решения и чужие амбиции.

– Тогда попробуй в этот раз сыграть по правилам противника, а не по своим привычным схемам.

– По его правилам? О чём ты?

– Не угрожай. Хотя бы раз попробуй действовать честно.

Честно... Забавное слово.

– На решение Якоба влияют два фактора, – продолжил Пирс. – Реальный спрос – особенно достиг ли рынок стадии массового принятия – и наличие экосистемы. Докажешь ему эти два пункта, и он пойдёт тебе навстречу.

– Значит, он всё-таки способен на компромисс.

– Способен. Но коридор для него узкий, как лезвие ножа.

Подсказка была на удивление ценной.

В итоге получил ключ – тонкий, почти невидимый, но способный открыть дверь.

– Есть ещё что-то?

В голове мелькнули новые варианты, более чистые, менее агрессивные. Но всё равно покачал головой.

– Остальное донесу до него сам.

Тренировочный матч на этом завершился. Всё остальное следовало приберечь для настоящей схватки.

Однако Пирс прищурился и добавил напоследок:

– Запомни – никаких угроз.

В этот момент не удержался и фыркнул.

– Ты меня обижаешь. Будто только и делаю, что запугиваю людей. На самом деле всегда просто говорю правду и ничего более.

– И никакого нагнетания. И никаких искажений фактов.

Угрозы, давление, манипуляции... Кем он вообще меня считает?

– Иногда прямота и честность – единственное, что действительно работает. Попробуй. Хотя бы раз.

До заседания совета директоров Envid оставалась одна неделя.

– В прошлый раз не помогло. А теперь смотри, уже стало вариантом, – с усмешкой ответил ему опять правду.

В те дни жил словно в плотном тумане собственных мыслей. Они гудели в голове, как трансформаторы под дождём, не давая покоя ни днём, ни ночью. Снова и снова прокручивал в памяти слова Пирса, пробуя их на вкус, словно крепкий кофе с горечью на языке.

"Реальный спрос... экосистема..."

Если бы сумел доказать хотя бы одно из этих условий, Якоб Ёнг дрогнул бы. Хорошо это знал. Проблема заключалась в другом – доказывать было нечего.

"О каком реальном спросе сейчас может идти речь..."

Компании, которые тянулись к искусственному интеллекту, пока топтались в лабораториях. Они покупали ускорители Envid штучно, словно пробники духов – лишь для экспериментов, для тестов, для отчётов перед инвесторами. А Якобу нужно было не это. Ему требовались цифры, пахнувшие большими деньгами и серийным производством, а не пыльными серверными и ночными сборками кода.

Но чтобы началась коммерциализация, нужен был продукт. А чтобы появился продукт, требовалось доказательство коммерциализации. Замкнутый круг, старый как мир. Курица и яйцо, только вместо перьев – кремний, вместо скорлупы – бюджеты.

"С экосистемой всё ещё сложнее..."

И здесь тоже не мог его винить. Голая технология – это лишь красивая игрушка. История уже не раз показывала, чем заканчивается такой путь. Я вспомнил Google Glass – сверкающее будущее на переносице, которое оказалось никому не нужным. Ни приложений, ни сценариев использования – только удивлённые взгляды прохожих. Смартфон Amazon постигла та же судьба: железо было, а мира вокруг него – нет. В итоге продукт остался сиротой.

Якоб боялся, что с искусственным интеллектом случится то же самое. Он хотел не просто чипы, а целую среду – разработчиков, инструменты, программное обеспечение, инфраструктуру. Только тогда он был готов сделать шаг вперёд.

"Но сейчас не могу показать ему этого..."

Потому что этого попросту не существовало. И вот тогда, из глубины сознания, словно тёплый, опасный шёпот, поднялась мысль, которую долго держал под замком. Она пробежала по спине холодком, заставив мышцы невольно напрячься.

Я резко мотнул головой.

"Нет. Рано. Этот ход – на самый крайний случай".

Это была последняя карта, и вытаскивать её сейчас значило сжечь мосты.

– Может, просто затаиться и подождать... Всё равно процесс уже запущен.

Пирс обмолвился, что Envid нацелена на лето, но я знал лучше. Я почти физически ощущал, как сроки сдвигаются, сжимаются, как воздух перед грозой. Презентация состоится раньше – в апреле.

Потому что в марте должно было случиться нечто, что перевернёт весь рынок.

Матч AlphaGo против Илья Седова.

Раньше машины уже побеждали людей – в шахматах, в викторинах, в строго формализованных играх. Но го... Го был иным зверем. Число возможных ходов там было астрономическим – десять в сто семидесятой степени. Считалось, что человеческая интуиция в этой области недостижима.

Но реальность оказалась жестокой. AlphaGo выиграл четыре партии из пяти и врезался в коллективное сознание человечества, как метеорит. Мир увидел, на что действительно способен искусственный интеллект.

И это было ещё не всё. AlphaGo не работал по старым, зашитым правилам. Он учился. Глубинное обучение, обучение с подкреплением – всё то, что вчера казалось академической экзотикой, внезапно стало будущим. Старый лагерь правил рухнул, словно карточный домик, а спрос на новые вычислительные мощности взорвался.

Вот почему Envid сдвинет сроки.

Март. Всего три месяца. Стоит ли мне просто сидеть сложа руки и ждать, пока эти три месяца пройдут сами? Или попробовать сжать время ещё сильнее, вырвать у него лишние недели?

– Фух...

И выдохнул, чувствуя, как в груди становится тесно от напряжения.

Пока метался между ожиданием и действием, день заседания совета директоров Envid – день настоящей схватки – неумолимо приближался.

Глава 3

Я приехал в штаб-квартиру Envid задолго до назначенного часа – с запасом почти в полчаса, когда утро ещё не успело окончательно проснуться, а здание жило приглушённым, осторожным дыханием кондиционеров. В воздухе стоял терпкий запах свежесмолотого кофе, смешанный с холодной стерильностью стекла и металла. Пол под ногами был гладкий и чуть скользкий, будто отполированный не столько тряпкой, сколько чужими амбициями.

День заседания совета директоров. Сам по себе он уже весил больше, чем все предыдущие недели ожидания.

В тот момент рассудил просто: появиться пораньше полезно. Лишний кивок, короткое рукопожатие, пара ничего не значащих фраз – иногда именно из таких мелочей складывается расположение. Всего в совете было двенадцать человек, включая меня самого, и для любого решения требовалось большинство. Шесть голосов. Всего шесть – звучит скромно, но для новичка это число ощущалось как отвесная стена.

Никто не любит голосовать за того, с кем даже не перекинулся словом.

Обычно перед началом заседания оставляли немного времени на неформальное общение. Кто-то обсуждал погоду, кто-то жаловался на пробки, кто-то делал вид, что случайно оказался рядом с нужным человеком. Вот рассчитывал на этот короткий промежуток, как на узкую щель в закрытой двери.

Но что-то пошло не так. В зале было пусто. Совсем.

В углу сиротливо стоял столик с кофе и закусками. Бумажные стаканчики аккуратно выстроились в ряд, печенье лежало нетронутым, источая сладковатый запах ванили. Тишина звенела в ушах, и даже собственные шаги казались слишком громкими. Ни голосов, ни смеха, ни приглушённого шёпота. Ни единой тени.

Это не могло быть случайностью. Кто-то очень постарался, чтобы я не пересёкся ни с кем до официального начала. И имя этого кого-то напрашивалось само собой – Якоб Ёнг.

Задумчиво опёрся подбородком на ладонь, чувствуя прохладу кожи, и позволил мыслям на мгновение замереть. Из всей этой сцены читался лишь один вывод: Якоб контролировал совет. Не формально, а по-настоящему – так, что мог не просто следить за мной, но и направлять поведение остальных.

По идее, никто не был обязан подчиняться его негласным указаниям. Совет директоров существует, чтобы сдерживать генерального директора, а не маршировать под его команду. Но реальность, как это часто бывает, оказалась иной. Пустой зал говорил громче любых слов.

Едва заметно усмехнулся, когда тишину разорвал резкий звук. Дверь распахнулась.

Якоб Ёнг вошёл первым – быстрым, уверенным шагом, и следом за ним, почти синхронно, в зал потянулись остальные члены совета. Они двигались так слаженно, словно были частями одного механизма, демонстрируя единство без единого жеста. Воздух сразу наполнился запахами дорогих духов, шорохом одежды, глухими ударами кресел о пол.

Якоб скользнул по мне взглядом, чуть приподнял уголки губ и произнёс ровным, деловым тоном:

– Что ж, тогда начнём заседание без промедления.

Повестка была длинной и скучной, как список обязательств: общие показатели Envid, разбор эффективности, доля на рынке игровых графических процессоров, планы расширения дата-центров. Слова текли одно за другим, шуршали бумагами, щёлкали клавишами ноутбуков, но всё это было лишь фоном.

Настоящее напряжение возникло позже.

– Следующий вопрос – график запуска нашего следующего продукта.

Вот оно.

Расписание следующего запуска. Именно ради этого и сидел здесь, чувствуя, как под столом ладони слегка вспотели, а в груди медленно, тяжело стучит сердце, отбивая ритм будущего решения.

Но стоило Якобу Ёнгу раскрыть рот, как заседание будто сорвалось с цепи. Реплики посыпались одна за другой, накладываясь, шурша бумагами и сухо щёлкая клавишами ноутбуков.

– Лето – безусловно, лучшее время.

– Согласен. Такому анонсу нужна сцена. Computex подойдёт идеально.

Слово "лето" мгновенно стало общим знаменателем. Оно повисло в воздухе, как заранее утверждённый приговор, пропитанный запахом свежего кофе и холодным ароматом кондиционированного воздуха. Направление уже выбрали. Даже обсуждать, по сути, было нечего.

Это выглядело как наглядная демонстрация влияния Якоба на совет – тихого, уверенного, почти невидимого, но оттого ещё более осязаемого.

И всё же именно сейчас мне нужно было пойти против течения. Потому слегка подался вперёд, ощущая под пальцами гладкую поверхность стола, и заговорил, спокойно, без нажима:

– Судя по представленному отчёту, оптимизация продукта завершена, производство чипов окончено. Тогда зачем откладывать запуск ещё на месяц или два?

Ни удивления, ни раздражения. Лица остались ровными, внимательными. Вопрос ждали. Видимо, этот сценарий давно прокрутили в голове.

Сейчас сознательно занимал позицию против летнего релиза. Настала очередь Якоба вмешаться.

– Что, если поспешный старт приведёт к слабым первоначальным результатам? – резко бросил один из членов совета.

– Речь даже не только о производительности. Вы понимаете, что рынок может воспринять это как признак того, что Envid отстаёт от отраслевых трендов? – поддержал другой.

Слова были острыми, как стеклянные крошки. Якоб одобрительно улыбнулся, словно дирижёр, довольный звучанием оркестра, и только потом заговорил сам:

– Мы не можем бесконечно оглядываться на риски и топтаться на месте. Разве вы забыли? Мы всегда строили графики запусков, опираясь на данные. Этот раз – не исключение.

Он повернул голову и посмотрел прямо на меня. Взгляд был плотным, уверенным, почти снисходительным.

– У вас есть данные, которые подтверждают необходимость ускоренного запуска?

В его голосе сквозила абсолютная уверенность. Уверенность в том, что мне нечего предъявить.

Просто ответил улыбкой – лёгкой, почти небрежной.

– Да, есть. Могу показать.

В комнате повисла короткая пауза. Даже вентиляция будто притихла. У Якоба едва заметно дёрнулся уголок рта, и тут же вмешался кто-то сбоку:

– У нас плотная повестка. Действительно ли стоит тратить на это время?

Они явно пытались прикрыть его, отвести удар. Но отступить было поздно.

– Разве не вы только что настаивали, что главное – цифры? – сказал спокойно. – Если мы откажемся смотреть данные сейчас, то теряем право говорить, что решения принимаются на их основе.

Аргумент был простым и неприятным. Отказать означало бы признать, что слова о данных – лишь удобная декорация.

В конце концов Якоб натянуто улыбнулся:

– Хорошо. Если есть данные, разумеется, мы должны их увидеть.

– Тогда переходим к ним прямо сейчас.

И отправил короткое сообщение, и спустя минуту дверь приоткрылась. Николь, моя ассистентка, вошла, мягко ступая по ковру, держа под мышкой аккуратную стопку распечаток. Бумага тихо зашуршала, когда она раздавала отчёты членам совета.

– Это аналитический отчёт Pareto Innovation по рынку ИИ, – начал я, не давая им утонуть в деталях. – Я выделю только ключевые моменты.

Листы перелистывали, кто-то прищуривался, кто-то хмурился, в воздухе смешались запахи типографской краски и дорогих духов.

– Наш алгоритм рассматривает искусственный интеллект на одном уровне с интернетом, мобильной революцией и стримингом. Причина проста – мы видим те же индикаторные паттерны, которые повторялись на ранних этапах всех трёх революций.

Дальше у меня была одна цель. Заставить их почувствовать, что мы – почти родственники NetPlus.

– С июня по октябрь венчурные инвестиции в сектор ИИ выросли на 350 процентов.

Из этих миллиардов значительная часть была моей, но формально это ничего не меняло.

– Это практически зеркальное движение капитала, которое наблюдалось прямо перед взлётом NetPlus. Более того, только за последние два месяца количество сделок по слияниям и поглощениям в сфере ИИ увеличилось на 58 процентов...

И снова и снова возвращался к одному и тому же образу, аккуратно, настойчиво, будто вбивая гвоздь.

Мы – как NetPlus. Мы на том же пороге. И если промедлить, момент уйдёт.

Наконец подвёл разговор к той самой точке, где воздух в зале словно сгустился, стал плотным, вязким, как перегретый пластик.

– Согласно нашему анализу, в ближайшие пару месяцев на рынке ИИ произойдёт событие, которое станет переломным. Катализатор. Толчок. Если мы выйдем с продуктом как можно раньше, мы попадём точно в волну и пронесёмся на её гребне.

По сути, открыто говорил одно: алгоритм указывает на необходимость ускорить запуск. Ответ не заставил себя ждать. Один из членов совета скривил губы в насмешливой улыбке, откинулся на спинку кресла, которое тихо скрипнуло, и процедил:

– Алгоритм, значит... Как удобно. Проблема лишь в том, что мы не понимаем, как он работает. Если честно, это вполне могут быть просто цифры, которые вы... придумали.

Попадание было точным, почти болезненным. Даже почувствовал, как по коже пробежал холодок, но внешне позволил себе лишь спокойную, почти ленивую улыбку.

– Даже если вы так считаете, всё равно не могу раскрыть принципы работы алгоритма, – ответил ему ровно. – Вы вправе мне не верить.

И чуть понизил голос, заставив их прислушаться.

– Но если в течение ближайших месяцев действительно произойдёт катализаторное событие, о котором говорю, что тогда? Если из-за промедления мы упустим колоссальную возможность, кто возьмёт на себя ответственность?

Сомневаться в алгоритме легко. Но когда разговор заходит об ответственности, тон всегда меняется.

К тому моменту за мной уже тянулась репутация человека, который предсказывал чёрных лебедей один за другим, опираясь именно на эту модель.

И тут заговорил Якоб Ёнг.

– Это не те данные, которые нам нужны.

Его голос был твёрдым, без тени сомнения. Он не сделал паузы, сразу продолжил, словно добивал гвоздь:

– Мы принимаем решения, основываясь на эмпирических данных, доступных здесь и сейчас. А то, что вы показываете, – это всего лишь прогностная модель, построенная на сходных

паттернах из других отраслей. Это оценка будущего, а не реальные данные в строгом смысле слова.

Я мысленно щёлкнул языком. Он бил точно в основание всей моей конструкции. И, что раздражало больше всего, он был прав.

Отчёт выглядел как изящный образец аналитики, но по сути представлял собой вывернутый наизнанку реверс-инжиниринг. Где сознательно отобрал цифры, напоминающие путь NetPlus, и сложил из них убедительную историю. При этом такие вещи, как уникальные риски ИИ-индустрии и ещё не сформировавшаяся инфраструктура, остались за кадром.

– Индикаторы, на которые мы ориентируемся, чёткие, – продолжал Якоб, медленно, почти назидательно. – Реальный спрос, данные по экосистеме и только та эмпирика, которую можно наблюдать внутри самой ИИ-отрасли. Есть у вас что-то подобное?

Конечно, нет. Таких надёжных данных попросту не существовало.

– Я понимаю ваше нетерпение. Уолл-стрит всегда была такой. Они вливают деньги, глядя на потенциал, а при первых проблемах тут же их вытаскивают. Но мы – не они. Наши инвестиции – это заводы, оборудование, логистика, люди. Это физические активы, которые невозможно вернуть, если мы ошибёмся. Именно поэтому для нас так важны реальный спрос и зрелая экосистема.

Его голос постепенно превращался в лекционный, размеренный, будто он читал конспект, проверенный годами.

– Не существует мира, в котором технология сначала вырывается вперёд, а спрос подтягивается потом. Такие ожидания и рожают пузыри. Настоящий рост – это органичное развитие, когда все элементы движутся вместе. Подталкивать рынок нетерпением... это спекуляция, а порой и азартная игра. Истинные инвестиции всегда требуют времени.

Он не ошибался. Но в этом и была ирония – именно времени у меня почти не оставалось. Потому и бился так отчаянно. Потому тяжело выдохнул про себя, чувствуя, как внутри нарастает усталость.

– Неужели... другого пути нет?

Оставалась последняя карта. Та, которую всегда держал в рукаве и надеялся не доставать. Если сыграть её сейчас, дороги назад уже не будет. Честно говоря, даже сейчас мне претила сама мысль использовать этот приём.

И в этот момент мой взгляд невольно скользнул к запястью. Рукав был слегка закатан, и из-под ткани выглядывала чёрная линия. Татуировка. Рядом с именем Майло тянулся силуэт тираннозавра. Его длинный хвост был виден даже при небольшом движении руки.

Казалось, этот хвост задавал немой вопрос. Ты правда собираешься ждать? Я замер всего на секунду. А потом принял решение.

– Вы ошибаетесь.

– ... Что?

Якоб Ёнг осёкся на полуслове. Его голос, ещё секунду назад уверенный и наставнический, оборвался, словно наткнулся на невидимую стену. Всё, что он говорил до этого, было безупречной ортодоксией, выверенной до запятой, учебником по правильному мышлению. И вдруг я взял и назвал это неправильным.

В зале послышался тихий шорох – кто-то сменил позу, кто-то скользнул пальцами по стеклянной поверхности стола.

– У любого правила есть исключение, разве нет? – продолжил уже спокойно. – Например...

После чего сделал короткую паузу и позволил уголкам губ приподняться.

– Война.

– Война?

Брови Якоба резко взлетели вверх. Это была реакция человека, которого выдернули из привычной колеи и поставили перед чем-то абсолютно чуждым. Потому медленно кивнул, чувствуя, как внимание в комнате собирается в тугой узел.

– Именно. Когда начинается война, разве не технология выходит вперед первой? А уже потом, следом, подтягиваются спрос и экосистема.

И говорил неторопливо, почти мягко, словно раскладывал на столе очевидные вещи.

– И скорость там несравнима с мирным временем. Авиация в годы Первой мировой. Радиолокация во Второй. То, на что в обычных условиях ушли бы десятилетия, было достигнуто за считанные годы.

Война – это абсолютный катализатор.

Перед ней рассыпаются в пыль привычные правила рынка, сроки, осторожные расчёты. Спрос, экосистема, тайминг – всё это перестаёт иметь значение. Остаётся только рывок вперед, резкий, болезненный, необратимый.

– Вы сейчас предсказываете Третью мировую? – в голосе Якоба мелькнула насмешка, холодная, почти защитная.

Всё равно не отвёл взгляда и спокойно улыбнулся.

– Разумеется, нет. Но бывают войны без выстрелов. Вспомните холодную.

В комнате повисла тишина. Даже кондиционер будто задышал тише.

– Тогда технологическое противостояние за космос между США и Советским Союзом весь мир воспринимал как войну. И там всё происходило по той же схеме – сначала технология, а уже потом спрос и инфраструктура.

Потом окинул взглядом стол, лица, бумаги, стаканы с недопитым кофе и сказал так, словно объявлял приговор:

– И потому уверен, нечто подобное вспыхнет и в сфере ИИ. Причём гораздо раньше, чем мы ожидаем.

– Это тоже вам подсказал ваш алгоритм? – язвительно бросил кто-то из совета.

С усмешкой покачал головой.

– Нет. На этот раз всё услышал это напрямую.

– Прямоую? – переспросили сразу. – От кого?

После чего выдержал паузу, позволяя тишине натянуться, как струне, а затем произнёс отчётливо, без спешки:

– Аарон Старк.

Атмосфера изменилась мгновенно. Взгляды заметались, кто-то нервно поправил очки, кто-то сжал губы.

Аарон Старк. Безумный гений, мечтающий о переселении на Марс. Человек, который сжигал деньги, как топливо, ради, казалось бы, невозможных идей. Икона инноваций, доказавшая, что невозможное – это всего лишь вопрос цены и упорства. И главное – человек, способный перевернуть игру.

Зачем его имя прозвучало здесь?

Не дав напряжению рассеяться, добавил:

– Скоро Старк объявит войну в сфере ИИ.

Такую же, как холодная. Два гиганта начнут вливать немыслимые ресурсы и капитал в технологическое противостояние. Разумеется, в одиночку войну не ведут. Любой войне нужен противник. И этот противник уже определён.

– В ближайшее время Старк напрямую бросит вызов доминированию Google в области ИИ.

В моей прошлой жизни этого не происходило. Но сейчас это уже не имело значения. Потому что на этот раз собирался сделать так, чтобы это произошло.

Между тем, ещё до того, как заседание официально началось, директора Envid уже успели прийти к странному, почти карикатурному соглашению. Негласному, но оттого не менее жёсткому.

Что бы ни говорил Сергей Платонов, ответ должен быть одним из двух – либо открытое сопротивление, либо демонстративное молчание. Третьего варианта не существовало.

Причины его появления в совете были очевидны и ни у кого не вызвали сомнений. Он, безусловно, считал, что, заняв кресло за этим длинным столом из холодного стекла и металла, сможет направлять компанию туда, куда сочтёт нужным. Маневрировать, продавливать, ускорять.

Это была фатальная ошибка. Совет директоров – не поле для одиночек. Здесь всё решало большинство. И если одиннадцать человек дружно затыкают уши и в один голос твердят "против", то даже такой персонаж, как Сергей Платонов, оказывается бессилён.

– Если мы продолжим в том же духе, он рано или поздно выдохнется и сдастся.

Именно так выглядел их идеальный сценарий. Разумеется, у этой почти единодушной неприязни были причины. Причины простые, приземлённые и потому особенно крепкие. Тишина. Спокойствие. Комфорт.

Большинство директоров были либо признанными экспертами, либо бывшими топ-менеджерами, которые давно сошли с оперативной дистанции. Место в совете директоров стало для них идеальной формой заслуженного отдыха.

Работа? Практически отсутствовала.

Нагрузка? Смешная.

Вознаграждение? Около трёхсот тысяч долларов в год.

Ответственность? Почти нулевая – всем ключевым занимался Якоб Ёнг.

Если бы генеральный директор был слабым или некомпетентным, совету пришлось бы держать кнут наготове. Но Якоб был полной противоположностью. Он самостоятельно вытягивал показатели компании вверх, действовал аккуратно, опирался на цифры, заранее отсекал риски и не позволял себе резких движений.

Он не бросался в авантюры, но стабильно приносил результат. В итоге совету попросту нечем было заниматься.

Их реальная функция сводилась к простому ритуалу – раз в квартал прийти на заседание, послушать отчёт Якоба, покивать и разойтись. Под тихий звон чашек, запах хорошего кофе и мягкое шуршание дорогих костюмов.

При этом само кресло директора Envid было не только тёплым, но и сладким. Помимо щедрой оплаты, титул открывал двери в закрытые винные дегустации, частные встречи директоров, элитные инвестиционные клубы. Их узнавали, им улыбались, им пожимали руки.

Они жили размеренной, предсказуемой жизнью – сладкой, как сахар, гладкой, как таблица Excel, и безопасной, как солнечный полдень. Заседания Envid были для них не сражениями, а изысканными чаепитиями, которые проходили всего четыре раза в год. И это было не преувеличение.

Самым жарким спором за последнее время стал вопрос, стоит ли подавать на заседаниях кофе без кофеина. Так было всегда.

А потом в эту аккуратную, стерильную реальность ворвалась катастрофа по имени Сергей Платонов. Если позволить ему развернуться, их уютные чаепития за триста тысяч в год превратятся в квартальные совещания по тушению пожаров. В стресс, споры, риск.

Этого нельзя было допустить. Директора переглянулись, в который раз без слов подтверждая своё решение. Игнорировать. Или давить. Иного выхода нет. И именно в этот момент Сергей Платонов бросил в зал фразу, похожую на глухой удар по стеклу:

– Старк готовится объявить войну в сфере ИИ.

Растерянность была почти физически ощутимой. Кто-то замер с ручкой в воздухе, кто-то невольно подался вперёд.

– Причём здесь вообще Старк?

Имя прозвучало не к месту и не ко времени. Старк был фигурой крайне неудобной. Даже опасной. После Сергея Платонова – а возможно, и более него – это был человек, способный разрушить любой устоявшийся порядок.

– Он попытается сломать монополию Google в ИИ. Вложит туда всё – активы, деньги, влияние. Без оглядки.

Создать ИИ-компанию и начать войну только потому, что он ненавидит Google? На первый взгляд – чистое безумие.

– Но если это Старк... тогда возможно.

С этим именем всё менялось. Разве это не тот самый эксцентрик, который всерьёз планировал колонизацию Марса? На фоне переселения людей на другую планету война в сфере ИИ выглядела почти здраво.

И всё же принимать слова Сергея Платонова на веру никто не собирался. Пока. Несколько директоров почти одновременно скользнули руками под стол и вытащили смартфоны. Экранный свет холодными прямоугольниками отразился на их лицах. Кто-то прищурился, кто-то задержал дыхание, прокручивая ленту.

А там уже всё было сказано.

– Я изначально собирался купить BigMind. Но Google оказался быстрее. Подозрительно быстрее. Почему так?

– Сам по себе ИИ не опасен. Но что насчёт ИИ, созданного рекламщиками?

– Я не против ИИ. Я против того, чтобы самая этически прогнившая организация в мире монополизировала его. Та самая, что начинается на G и рифмуется с ooble.

Старк уже бросил вызов. Публично. Громко. Без тени сомнения.

Смартфоны так же тихо исчезли под столом. В воздухе повисло нервное бормотание, полное раздражения и тревоги.

– Ему бы ракетами заниматься... чего он опять лезет...

А Сергей Платонов тем временем продолжал, будто не замечая внутренней бури, прокатившейся по залу.

– Вы сами говорили, что ключевые критерии для запуска – это спрос и экосистема. Если Старк и Google столкнутся лбами, обе стороны начнут в первую очередь скупать вычислительные мощности. Спрос взорвётся. Резко. Неконтролируемо. А следом они начнут охоту за внешними партнёрами – стартапами, лабораториями, независимыми разработчиками. Экосистема сформируется сама, без нашего участия.

Он говорил ровно, уверенно, словно уже видел эту картину в деталях.

– Моё предложение простое. Завершить производство нового продукта и держать его в состоянии полной готовности к запуску. Разместить готовые партии на логистических хабах, чтобы в тот момент, когда спусковой крючок будет нажат, мы вышли на рынок мгновенно.

Проще говоря – забить склады готовой продукцией и ждать начала войны. Если прогноз оправдается, это была бы идеальная стратегия. Но директора переглянулись. В этих коротких взглядах, едва заметных движениях бровей и губ, читалась общая команда.

"Ни в коем случае не соглашаться".

Сейчас правильность управленческого решения никого уже не волновала. Гораздо важнее было избавиться от Сергея Платонова.

– Война ИИ... если честно, это звучит абсурдно, – протянул один из директоров, известный своей придиричностью. В голосе сквозила откровенная насмешка. – Смешно, что мы вообще обсуждаем это всерьёз.

И тут он допустил роковую ошибку.

– Как ни крути, вероятность того, что подобное действительно произойдёт, практически нулевая...

Он хотел сказать "событие с крайне низкой вероятностью". Но фразу тут же подхватил Сергей Платонов.

– Вы правы, – спокойно сказал он. – Это чёрный лебедь.

И вот тут отмахнуться от его слов стало гораздо сложнее. Сергей Платонов как раз и был тем самым человеком, который прославился умением предсказывать чёрных лебедей.

– Как это опровергнуть...?

Стоило им неуклюже начать спорить, и он тут же выложил бы список своих попаданий – от греческого дефолта до китайского финансового кризиса. Пока директора лихорадочно искали выход, Сергей Платонов продолжил, не повышая голоса:

– Разумеется, вы не обязаны верить мне прямо сейчас. Но даже если вероятность события мала, разве не разумно подготовиться заранее? Это ведь ничем не отличается от страховки.

Им нужно было ответить. Даже если интересы у всех совпадали, формальное основание для голосования против Сергея Платонова всё равно требовалось. И когда напряжение достигло предела, наконец заговорил Якоб Ёнг.

– Страховка нужна тогда, когда потенциальный ущерб от её отсутствия катастрофичен. Но в вашем сценарии всё иначе. Даже если вы правы, максимум, что мы потеряем, – это несколько месяцев лидерства на рынке. Никакого серьёзного финансового удара не будет.

По залу пробежала волна облегчения. На лицах мелькнуло понимание.

– И правда...

Прогноз Сергея Платонова не выглядел катастрофой. Скорее, редкой возможностью. А значит, если они его проигнорируют, формального "убытка" не будет.

– Зато если мы поспешим с запуском и провалимся, – продолжал Якоб, – рынок воспримет это как провал бренд-стратегии. Цена акций упадёт, и потери станут вполне осязаемыми. Плюс размещение продукции на логистических хабах – это существенные постоянные издержки.

Как и ожидалось, Якоб всё разложил по полочкам. Директора выдохнули почти синхронно. Теперь оставалось лишь одно – отвергать каждое предложение Сергея Платонова и блокировать все его инициативы.

И как раз в тот момент, когда все молча пришли к этому решению, Сергей Платонов бросил новую фразу, сухую, как щелчок предохранителя:

– Вы действительно думаете, что акционеры с вами согласятся?

Он смотрел прямо, не мигая.

– На собрании акционеров вам придётся объяснить, что вы знали заранее и сознательно ничего не сделали. Вы уверены, что готовы к этому?

Директора вздрогнули. А что, если они проигнорируют его информацию и в итоге упустят прибыль? Акционеры молчать не станут.

Однако Якоб Ёнг принял удар прямо, без тени колебаний. Он выпрямился, положил ладони на стол, холодный и гладкий, и произнёс так спокойно, будто речь шла о пустяке:

– Ничего страшного. Я сам это объясню.

Сергей Платонов чуть прищурился.

– Вы хотите сказать, что возьмёте на себя всю ответственность?

– Разумеется.

Ответ прозвучал мгновенно, без паузы. Но если слова Якоба были уверенными, то мысли директоров в этот момент метались, как загнанные мыши.

"Эта ответственность... вообще-то не твоя!"

Акционеры никогда не уберут Якоба. Он был лицом компании, её символом, её живым сердцем. Его имя ассоциировалось с ростом, стабильностью и аккуратными, выверенными решениями.

А совет директоров? По большому счёту – декоративный элемент. Их последняя реальная функция заключалась в том, чтобы стать громоотводами. Козлами отпущения на случай, если что-то пойдёт не так.

"А если нас уволят...?"

Речь шла не просто о потере тёплого кресла с внушительным окладом. Запись о позорном изгнании из совета директоров означала клеймо. С таким прошлым путь в советы других компаний практически закрыт.

А для многих из них это было критично – так называемые "профессиональные независимые директора" сидели сразу в нескольких советах. Один скандал – и всё рушится разом.

Пока эти расчёты вихрем проносились у них в голове, Якоб жёстко, почти рубя фразы, поставил точку:

– Как я уже говорил, Envid принимает управленческие решения, опираясь на объективные данные реального мира. Ваше предложение не соответствует корпоративной культуре компании. Поэтому мы не можем его принять.

В его голосе звучала та самая уверенность, которая бывает лишь у человека, привыкшего к власти и знающего себе цену. И именно в этот момент Сергей Платонов улыбнулся. Не широко – едва заметно, но так, что стало ясно: игра ещё не окончена.

– Вы не можете решить это в одиночку.

Глаза Якоба сузились.

Сергей Платонов добавил спокойно, отчётливо, словно зачитывал пункт регламента:

– Это заседание совета директоров. Все вопросы здесь решаются голосованием. Прошу вынести предложение на голосование.

Так и было. Каким бы незаменимым ни казался Якоб за пределами этой комнаты, здесь у него был всего один голос. Ровно столько же, сколько у Сергея Платонова. Один человек – один голос.

В головах директоров вновь зашуршали мысли, тревожные, липкие, как пот на ладонях. "А что, если война в сфере ИИ действительно начнётся, как он говорит? И что, если на собрании акционеров это всплывёт?"

Ответственность, как ни странно, снова легла не на генерального директора. Кого-то из них придётся принести в жертву. И, учитывая, что реальной работой почти никто не занимался, кандидат мог оказаться любым.

– Господин председатель? – мягко, но настойчиво напомнил Сергей Платонов.

Председатель вздрогнул, словно его выдернули из сна, прочистил горло и наконец заговорил:

– Да... переходим к голосованию. На повестке – перевод нового продукта в состояние полной готовности к запуску. Прошу поднять руки тех, кто за.

Руки взметнулись почти одновременно. Лёгкий шорох рукавов, тихий скрип кресел. Считать не было нужды.

– Одиннадцать голосов – за, один – против. Решение принято.

Графический процессор нового поколения Envid – "Parser Architecture".

Продукт, который уже сейчас называли "переломным". Архитектура, способная вывести обучение ИИ на принципиально иной уровень, обеспечив масштабирование, о котором раньше лишь мечтали.

Мне удалось добиться главного – совет согласился подготовить продукт заранее. Но одно дело – держать оружие заряженным. И совсем другое – нажать на спуск.

Чтобы выпустить его на рынок, Старк должен был официально объявить войну в сфере ИИ. А вот это было непросто.

– Сейчас у него и так забот выше крыши.

Уже на следующей неделе планировался испытательный запуск ракеты Space Z – событие, которое должно было окончательно закрепить за Старком статус живой легенды. С его точки зрения торопиться было незачем. И именно в этом заключалась настоящая проблема. Даже если бы он и задумался о расширении бизнеса, логика подсказывала простую вещь – сперва нужно довести до конца то, что уже запущено. Чужие проекты могли подождать, а вот текущие не терпели суеты.

Но мне было нужно иное. Мне нужно было, чтобы он нырнул в сферу ИИ прямо сейчас, не оглядываясь. Поэтому я просто набрал его номер.

– Хочешь встретиться прямо сейчас? Ха-ха-ха!

Смех на том конце линии был громкий, хриловатый, словно выжатый из пересохшего горла. Потом сказал, что нахожусь в Калифорнии, и это, кажется, его ещё больше развеселило.

– Я тут уже две недели, по сути, живу в офисе...

И дело было вовсе не в каком-то романтическом "горю делом". Нет. Он просто был патологическим контролёром. Тем самым человеком, который обязан лично проверить каждый болт, каждую строчку, каждый отчёт. Он никому не доверял. Вообще никому. И именно этого человека мне предстояло заставить двигаться так, как нужно мне.

– Ну... есть я всё равно должен. Минут двадцать за пиццей, наверное, переживу...

– Отлично. Сам её привезу.

– Ты?

В голосе отчётливо прозвучало недовольство, почти раздражение. Отступать я не собирался.

– Да. Я привередливый.

– Я тоже, между прочим...

– У меня просто куча аллергий.

Небольшая пауза. И почти слышал, как он морщит лоб.

– Ну... тогда ладно. Приноси что-нибудь действительно хорошее.

Вести психологическую войну ради выбора пиццы – это, конечно, особый уровень абсурда. Потому уже чувствовал усталость, хотя всё ещё только начиналось.

В тот же вечер, ровно в семь, заехал в маленькую пиццерию неподалёку, забрал две фирменные пиццы, коробки ещё хранили тепло, пахли тестом и дымком печи, и отправился в штаб-квартиру Space Z.

– Обычно я бы устроил тебе полноценную экскурсию по комплексу...

Старк вышел меня встречать сам. Небритый, с красноватыми глазами, дёрганный, словно от каждого шороха. Было видно – он действительно неделями не вылезал отсюда.

– Ничего страшного. Экскурсия подождёт. Сегодня у нас дела поважнее.

Он скользнул взглядом по коробкам, которые я держал в руках, и едва заметно усмехнулся. Через несколько минут мы уже были внутри. Он открыл коробку и тут же нахмурился.

– Это совсем не то, что я имел в виду, когда говорил о пище.

Наверняка он представлял себе жирный круг с потёкшим сыром и томатным соусом. А то, что лежало перед ним...

Скорее напоминало произведение искусства. Тонкое тесто, подпалённые края, аромат свежей зелени и молочного сыра. Пицца, которую отправляют в раскалённую печь всего на девяносто секунд, вымученную потом и упрямством повара.

– Это называется "Bianca Verde". Здесь вообще нет томатного соуса. Основа – итальянская "Fior di Latte".

– Пицца... без томатного соуса?

– Именно. Тесто – на естественной ферментации, без дрожжей, выдержка в холоде семьдесят два часа. Когда кусаешь, чувствуешь лёгкий, живой аромат брожения.

Уголок его рта дёрнулся.

– Вижу, ты заморочился. Но если честно, не фанат всей этой... нарядной пиццы.

– Просто ты ещё не пробовал нормальную.

– Не знаю... пицца без соуса...

Он бросил взгляд на стол. Там лежал флаер Рара Johns. На секунду мне показалось, что он сейчас закажет другую пиццу. Но он посмотрел на настенные часы, понял, что времени нет, и сдался.

"Чёрт, да он вообще никого не слушает".

Воевать с таким упрямцем даже за пиццу – удовольствие сомнительное. Потому мысленно вздохнул.

– Просто попробуй.

И протянул ему кусок. Он взял его с таким видом, будто оказывает мне одолжение, и откусил.

Выражение лица изменилось сразу. Он доел кусок целиком, не оставив даже корки, и медленно кивнул.

– Это... неожиданно хорошо. Правда.

"Хотя бы не врёт".

Он терпеть не мог, когда за него принимали решения, но качественные вещи признавал честно. Потом он быстро съел ещё три куса, вытер руки салфеткой и снова посмотрел на часы.

– Когда я сказал по телефону про двадцать минут – я не шутил.

Он поднял на меня взгляд.

– У нас осталось ровно семь минут. Зачем ты приехал?

Глава 4

В эти дни Аарон Старк почти не спал. Ночи растягивались вязкой чернотой, в комнате стояла глухая тишина, нарушаемая лишь редким шорохом простыней да приглушённым гулом города за окном. Он лежал на спине, уставившись в потолок, и снова и снова возвращался к одной и той же мысли, словно язык невольно трогает больной зуб.

"Может, мне просто взять и запустить собственную компанию в сфере ИИ...?"

Если быть честным, сердце уже давно склонялось к "да". Это ощущалось почти физически – как лёгкое тепло в груди, как зуд в кончиках пальцев. И всё же решение не складывалось в окончательную форму. Что-то удерживало.

Причин было две, и обе весили немало. Первая звучала сухо и рационально: "Сейчас не время".

Его день и так был разорван на куски. Teslaan, Space Z, SolCity – проекты требовали внимания, словно ревнивые хищники. Двадцати четырёх часов катастрофически не хватало, а мысль добавить ещё одну компанию отдавала безрассудством, пахла перегретым металлом и сгоревшими нервами.

Вторая причина была менее очевидной, но куда болезненнее. "Это не моя идея".

По изначальному плану он должен был войти в Next AI и перекроить их систему под себя – разобрать по винтикам и собрать заново, уже в своём стиле. Исправлять и усиливать всегда проще, чем начинать с пустого листа, где каждый шаг стоит времени, денег и ошибок.

Но этот план давно сбил с курса. И сбил его не Старк. Это сделал Сергей Платонов.

"Сама идея хороша, чертовски хороша, но..."

Гордость упиралась, как кость в горле. Он не умел быть ведомым.

"Я не из тех, кто идёт следом".

В характере Старка жила врождённая неприязнь к чужим указаниям. Даже блестящее предложение вызывало у него внутреннее сопротивление – тихое, но упорное. И сейчас всё повторялось.

Неприязнь к словам Сергея Платонова постепенно переросла в раздражение, а затем – в настороженность.

"А если всё это – часть его сценария?"

А что, если Платонов намеренно отрезал ему путь к Next AI и аккуратно подтолкнул к созданию отдельного бизнеса, где всё пойдёт по заранее выстроенной траектории?

Разум подсказывал, что вероятность ничтожна. Именно Старк первым вышел на контакт, а сама идея родилась будто бы спонтанно, между фразами, почти шутя.

И всё же... Интуиция зудела, словно под кожей.

"Здесь что-то есть".

То странное чувство, которое возникало рядом с Платоновым. Лёгкий холодок, будто сквозняк в закрытой комнате. Ощущение, что контроль ускользает. Обычно Старк задавал ритм. Он давил, ускорял, навязывал темп – и собеседники рано или поздно подстраивались. Именно поэтому его и прозвали "Быком".

Но Платонов не подстраивался. Более того – всё происходило наоборот.

Ни резких слов, ни нажима. Мягкая интонация, спокойная улыбка, ненавязчивые формулировки. И всё же, оглядываясь назад, Старк каждый раз с удивлением обнаруживал, что его собственные мысли сдвинулись, изменили направление.

"Это похоже на..."

В памяти всплыло коррида. Разъярённый бык, теряющий направление из-за крошечного алого полотна. Он мчит вперёд, а его ведут туда, куда нужно не ему. И именно в этот момент Сергей Платонов снова протянул к нему руку.

"Может быть..."

Эта мысль пришла внезапно, но легла точно в цель. Возможно, именно сейчас у него появился шанс всё проверить. Понять, было ли предложение Сергея Платонова "создай свою ИИ-компанию" случайной репликой, брошенной между делом, или же тщательно спрятанным намерением.

– Осталось всего семь минут.

Старк выбрал приём, проверенный годами. Ограничение по времени.

Когда часы поджимают, не остаётся пространства для любезностей, обходных манёвров и импровизаций. Разговор сразу обнажается, словно нерв под лезвием. И главное – Платонов уже не сможет сослаться на то, что идея "родилась на месте".

К тому же... Так Старк удерживал поводья беседы в своих руках.

– Семь минут, значит...

– Теперь уже шесть минут тридцать секунд.

Он методично напоминал о времени, будто капал водой на камень, создавая давление. Внутри он усмехался. Сергей Платонов обязательно заговорит об ИИ. Небрежно, будто между прочим, словно это вообще не важно.

Но с таймером над головой он начнёт торопиться, оговорится, допустит промах – и тогда истинные намерения выскользнут наружу. Таков был расчёт.

Но ответ оказался совсем другим.

– Я тут недавно читал материал о запуске Eagle и поймал себя на мысли, что ты слишком заиклился на системе наведения ракеты. Там даже сравнивали траекторию полёта с "балетом в небе"...

Без всякого предупреждения разговор свернул к многократным ракетам.

– Ты... ради этого пришёл?

Старк ожидал чего угодно, но не этого.

Сергей Платонов пожал плечами, спокойный, как всегда.

– Нет. Но за шесть минут всё равно не успел бы сказать то, что хотел. Давай оставим это на следующий раз.

И он с поразительной лёгкостью выскользнул из ловушки с таймером, будто её и не существовало.

– Управлять ракетой, летящей на скорости в тысячи километров в час, на высоте в несколько километров, невозможно одними расчётами и показаниями датчиков. Нужно учитывать гравитацию, сопротивление воздуха, тягу двигателей, смещение центра масс по мере выгорания топлива – и всё это в реальном времени. Так что я понимаю, почему тебя так увлекает воздушная акробатика...

Он усмехнулся краешком губ.

– Для гимнаста эффектные движения в воздухе важны, но куда важнее приземление. У Eagle система наведения – вершина инженерии, а посадочная часть выглядит так, будто её собрали из складного стула.

Удар был точным и болезненным. Старк прекрасно знал, что это правда. Он настолько увлёкся навигацией и управлением, что посадка осталась на вторых ролях.

Платонов продолжал говорить, подбрасывая советы один за другим, но Старк слышал их будто сквозь вату.

– Он правда не собирается упоминать это?

Незаметно осталось всего две минуты. Теперь было уже поздно разворачивать разговор в нужную сторону. И тут...

– Кстати, слышал любопытную новость. Говорят, Google тайно провела матч между AlphaGo и чемпионом Европы по го. И AlphaGo выиграл всухую.

Эти слова прозвучали ровно в тот момент, когда таймер обнулится.

– Пока это строжайший секрет. Случайно узнал от одного стартапа, куда вложился. Им проговорился университетский друг из Google, но попросил никому не рассказывать. И подумал, тебе будет интересно...

У Старка расширились глаза.

– ИИ обыграл человека в го?

Это было не просто достижение. Это был слом парадигмы. Он считал, что до такого уровня ещё годы. Ему отчаянно хотелось узнать больше.

Но Сергей Платонов бросил взгляд на настенные часы и спокойно произнёс:

– Время вышло. Что ж, желаю тебе удачного запуска.

Улыбка в уголке его губ раздражала сильнее любого вызова.

"Как я и думал..."

Ощущение было такое, будто его выпустили на арену, где под ногами скрипит песок, в ноздри бьёт сухой запах пыли и пота, а над головой нависает слепящее солнце. Он был быком, загнанным в круг, с напряжёнными мышцами и гулом крови в ушах.

Но просто так отвернуться и не услышать продолжение он уже не мог. В конце концов Старк резко шагнул к столу, на ходу задел локтем край столешницы, включил громкую связь и коротко распорядился:

– Передай команде, что совещание задержится на тридцать минут.

Щёлкнуло, линия закрылась. В кабинете снова повисла тишина, нарушаемая только негромким гудением кондиционера. Он обернулся к Сергею Платонову. Тот неловко приподнял ладонь, будто хотел извиниться заранее. На лице мелькнула искренняя, почти застенчивая тревога.

– Тебе не стоило из-за меня так делать. Так-то прекрасно знаю, у тебя сейчас всё расписано по минутам...

Голос был мягким, вежливым, без нажима. И именно это раздражало сильнее всего. В этой заботе Старку чудилась фальшь, словно за тонкой тканью улыбки скрывался расчёт. Он натянул ответную улыбку, чувствуя, как сводит челюсти.

– Прошу, продолжай. Расскажи про го.

– Вообще-то... это всё, что на сейчас знаю.

Он только что выкроил время, сдвинул график, заставил людей ждать – и услышал, что это конец? Мысль обожгла, как холодный воздух в лёгких. Но Платонов вдруг стал серьёзным. Лёгкость исчезла, взгляд потемнел, стал сосредоточенным.

– Если это правда, дело очень серьёзное. Победа AlphaGo означает, что ИИ перешёл черту, которую раньше не мог пересечь.

С этим невозможно было спорить. До сих пор искусственный интеллект буксовал на уровне жёстких правил. Он умел считать, перебирать варианты, но не чувствовал контекста, не делал интуитивных выводов, не понимал смысл. Поэтому шахматы или покер ещё как-то поддавались, а го оставалась недостижимой вершиной, где без чутья и образного мышления делать было нечего.

– Глубинное обучение сломало этот потолок за счёт обучения с подкреплением. А если система ещё и смогла обыграть человека...

Это означало, что технологии, которые считались лабораторной экзотикой, уже работают в реальном мире. По спине Старка пробежал холодок, словно кто-то провёл ледяными пальцами между лопаток.

– Как только эффективность обучения с подкреплением оказалась доказана, развитие ИИ перестает быть линейным. Оно становится экспоненциальным.

Смысл был предельно ясен.

– Если мы хотим догнать Google, это последний шанс.

Действовать нужно было сейчас, без пауз.

– Здесь дело не только в объёме данных. Нужно быстрее других строить более сильную модель, используя эти данные, затем с её помощью добывать ещё лучшие данные и усиливать обучение. Каждый цикл увеличивает разрыв. Если начать на год позже, ты отстаёшь не на год – ты пытаешься догнать разрыв, который растёт как лавина.

Старк знал, что это правда. Разрыв, появившийся сегодня, завтра станет непреодолимым.

Платонов перешёл к конкретике, раскладывая стратегию по полочкам.

– Начинать с нуля уже поздно. Гораздо разумнее купить действующую компанию и сразу масштабировать её. Нужно объединить вычислительную инфраструктуру, архитектуру моделей и контуры обратной связи данных, чтобы усилить всё сразу.

Выход был только один – поглощения и слияния, сразу несколько. Он даже называл имена.

– Есть компания Meta Minds. Они занимаются не просто обработкой текста, а базовыми структурами понимания – многозадачным обучением, переносом знаний между доменами, мультимодальной интеграцией.

Он поднял палец, затем второй.

– И Vicari. Если Meta Minds отвечает за понимание, то Vicari сосредоточена на распознавании образов и рассуждении. В отличие от классических методов, которым нужны десятки миллионов изображений, Vicari умеет делать выводы на малых выборках. Они пытаются создать ИИ, который видит и судит, как человек. По сути – искусственный орган чувств...

Все эти названия были Старку знакомы. Он давно держал их в поле зрения. И всё же внутри медленно, вязко поднималось беспокойство.

"Он использует меня".

Теперь сомнений не осталось. Платонов подчёркивал успехи Google, нагнетал срочность, подталкивал к покупкам – и шаг за шагом вёл его прямо в эпицентр войны за ИИ. Но Старк не был тем, кого можно просто так "использовать".

Он посмотрел Платонову прямо в глаза и спросил ровно, без тени улыбки:

– Если всё настолько важно, почему ты сам этим не займёшься?

Вопрос бил точно в сердце. Любой на его месте замялся бы, отвёл взгляд, сделал паузу.

– А ты уверен, что был бы не против?

Ответ снова оказался неожиданным. Платонов не смутился ни на секунду. Напротив, в его голосе прозвучало почти облегчение, словно он подумал: "Отлично".

– Я, вообще-то, об этом думал. Тем более ты в последнее время и так перегружен...

"Нет, что-то здесь не так".

Мысль вспыхнула резко, будто искра в темноте, и на мгновение Старк даже перестал слышать гул кондиционера. Внутри всё сжалось. А что, если это ощущение, будто им аккуратно и хладнокровно пользуются, было задумано заранее? Что, если Сергей Платонов с самого начала вёл его именно к этому чувству, шаг за шагом подталкивая туда, где выгодно ему самому? А вдруг весь этот разговор – лишь изящная комбинация, способ позволить Платонову самому прибрать к рукам нужные компании, оставаясь в тени?

– Всё-таки считаю, что лучше, если этим займёшься ты, – спокойно продолжал Платонов. – Когда действует человек, который сам стал символом инноваций, эффект совсем другой. Честно говоря, для этого не очень-то и подхожу.

Слова звучали скромно, даже застенчиво. Но Старк чувствовал – это была лишь оболочка. На самом деле именно Платонов сейчас был на пике внимания. Его лицо мелькало на обложках, статьи о нём пахли свежей типографской краской, а имя уже стало нарицательным. Тот самый человек, о котором писали как о том, кто "снёс Великую китайскую стену".

– Разве сейчас не тот момент, когда год промедления превращается в десять лет отставания? – мягко, почти доверительно добавил он. – Неважно, ты это сделаешь или я. Тот, кто способен действовать прямо сейчас, должен остановить Google. Лично мне всё равно.

И тут его взгляд стал цепким, почти осязаемым.

– Выбор за тобой.

У Старка осталось всего два пути. Первый – самому выйти на поле битвы ИИ под собственным именем. Встать на сцену, которую, по ощущениям, уже кто-то подготовил, пройти по маршруту, который кто-то заранее наметил. И при этом взвалить на себя ещё один груз, когда график и без того трещал по швам. Или второй вариант – отдать всё Сергею Платонову.

В этом случае медиа взорвались бы снова. Заголовки кричали бы о "Касатке, которая после Китая пошла на гигантов бигтеха". А главное – Платонов вошёл бы в историю как "революционер, бросивший вызов господству Google в ИИ".

Ни один из вариантов не вызывал радости.

Вопрос был лишь в том, какой из них казался менее терпимым.

Платонов слегка улыбнулся – спокойно, почти тепло.

– Так что ты решишь?

Ответ созрел тяжело, как камень, опускающийся на дно.

– Я... выкуплю их сам.

Всё, как и ожидалось.

– Да этот жадный до славы человек ни за что не уступит сцену другому.

Как управлять тем, кто болезненно нуждается в контроле? Нужно просто предложить ему выбор, где потеря контроля выглядит страшнее всего. Для Старка таким кошмаром была мысль, что его имя может не попасть в учебники.

Стоило мне только намекнуть, что готов взять всё на себя, – и он мгновенно ринулся вперёд. И всё же, даже приняв решение, он выглядел мрачным. Лоб нахмурен, пальцы нервно постукивают по столешнице, в воздухе чувствуется напряжение.

– Деньги на поглощение у меня есть, – признался он, выдыхая. – Но что делать дальше, после слияния, честно говоря, не понимаю. Одна только интеграция будет адской, а затраты на обучение... они будут колоссальными.

Война ИИ – это всегда война ресурсов. Данные, вычислительные мощности, число итераций – всё это пожирало деньги, как топливо. У кого их больше, у того и преимущество. А у Google за спиной стояли ресурсы почти государственного масштаба. Чтобы тягаться с таким гигантом, нужны были инвестиции, от которых у любого инвестора закружилась бы голова.

– Даже если запущу ИИ-компанию... смогу ли вообще собрать такие суммы? – голос его стал тише.

К декабрю 2015 года бренд Старка уже заметно потускнел. Слишком много проектов, слишком мало реальной прибыли. В прессе всё чаще мелькали слова "переоценённый гений". И если на этом фоне он откроет ещё один бизнес... Сомнение висело в воздухе, густое, как запах перегретого металла.

На это ответил твёрдо, без колебаний.

– Всё будет в порядке. Уже же тебе говорил – этот запуск ракеты станет успехом. После него тебя переоценят, и деньги хлынут рекой.

– Но... этого может не хватить.

И он был прав. Первые инвесторы всегда осторожны, заходят малыми суммами, щупают почву.

И на это только улыбнулся.

– Хватит.

Причина была проста. Очень скоро в руки Старка потекут суммы, которые сейчас кажутся невозможными. И естественно собирался сделать так, чтобы иначе просто не было.

Вернувшись в Нью-Йорк, вновь разложил свои планы по полочкам, с той самой маниакальной аккуратностью, когда ночная лампа отбрасывает жёлтый круг света на стол, а за окном воет ветер, скребясь о стекло. Бумаги шуршали под пальцами, пахло кофе и холодным металлом ноутбука.

– Прежде всего – поставил Старка на стартовую линию.

Это было главное. Совсем скоро он начнёт скупать стартапы, которые ему аккуратно подсунул, и с головой нырнёт в гонку искусственного интеллекта. Одно лишь сочетание слов "ИИ-компания под руководством Старка" уже вызовет у публики учащённое сердцебиение, всплеск обсуждений, шорох газет и гул новостных лент.

Но мне было нужно не это.

Меня интересовала не шумиха, а война. Настоящая, беспощадная, до хруста костей. Столкновение Старка и Gooble – бой насмерть, где каждое повышение ставки одной стороны вынуждает другую отвечать ещё большим вливанием. Адская гонка, в которой деньги сгорают, как топливо, затягивая обе стороны в воронку бесконечной конкуренции.

Чтобы разжечь такое пламя, компания Старка должна была с самого первого дня сбросить на рынок финансовую бомбу такой мощности, чтобы Google почувствовала холодок вдоль позвоночника.

– Если откровенно, мог бы вложиться сам... но, если честно, не хочется.

Как бы ни был раскручен бренд Старка, класть все яйца в одну корзину – совсем другой разговор. Если бы речь шла о Tesla, проверенной ещё в прошлой жизни, я бы не колебался. Но замораживать собственный капитал в сыром ИИ-стартапе Старка?

– Зачем?

Если смотреть сухо, с точки зрения прибыли, куда разумнее вложиться в Envid. Эта компания – инфраструктурный узел, без которого не обойдётся ни одна сторона. Кто бы ни выиграл войну ИИ, Envid всё равно будет считать деньги.

Так или иначе, чтобы война разрослась до нужных масштабов, Старку требовался мощный приток капитала. А я тратить свои деньги не собирался. В такие моменты на стол выкладывают лучший козырь.

"Использовать чужие деньги".

Вопрос был лишь в том, чьи именно. И тут судьба любезно подбросила идеальный вариант – Инвестиционный клуб "Треугольник", закрытый круг титанов хедж-фондов. Попасть туда означало автоматически обрести вес, имя и доверие рынка. Одно их коллективное движение способно было встряхнуть биржи, как землетрясение. А если эти тяжеловесы разом поставят на одну и ту же лошадь?

"Лучше и придумать нельзя".

Проблема заключалась в одном – пока не был членом этого клуба. Судя по всему, существовало некое испытание, через которое нужно было пройти.

"Мне всё ещё слишком не хватает информации".

Вообще-то, в таких ситуациях у меня был один очевидный контакт. Белая Акула. Но...

"Даст ли он мне действительно стоящие сведения?"

Варианты, конечно, были, но времени на раскачку уже не оставалось. Декабрь наступил стремительно, как внезапный холод. А декабрь для хедж-фондов – месяц адский. Итоги года подводятся, цифры выжигаются в отчётах для инвесторов, решая, кто в следующем году будет купаться в деньгах, а кто пойдёт с протянутой рукой. И всё же больше всего всех волновало не это. P&L – прибыль и убытки.

Индивидуальные результаты, фиксируемые именно сейчас, определяли не только размер бонусов, но и расстановку сил внутри компаний. Кто отдаст лучший кабинет с панорамным видом тому, кто закрыл год в минус?

В общем... Декабрь не прощает ошибок.

В такой обстановке торговый зал Pareto Innovation буквально кипел. Воздух был густым, тяжёлым, пропитанным запахом пережжённого кофе, пота и дешёвых энергетиков. Здесь шла война – за каждый цент годового бонуса, за каждую строчку в итоговом отчёте.

– Эй! Да чтоб тебя, убийца бонусов!

Один из трейдеров, не сдержавшись, со всей силы стукнулся лбом о высокий стол. Глухой удар эхом разнёсся по залу. Почти не сомневался – риск-менеджер только что зарубил ему чрезмерно агрессивную сделку.

"Настоящий дурдом".

Стоило оглядеться, и это ощущение лишь усиливалось. Рабочие столы были завалены обёртками от батончиков, блистерами тайленола и горами пустых бумажных стаканов. Кофейные пятна въелись в поверхность, как следы многодневной осады.

И только нахмурился, как вдруг тишину разорвал хохот.

– Вахахахаха!

Макс вскочил со своего места, будто его ударило током, и разразился почти истерическим смехом. Его глаза блестели, дыхание сбилось. Он стремглав подбежал к белой доске в центре зала.

"P&L – статус"

Доска была исписана плотным ковром имён, цифр и пометок. Кто сидит у окна, кто в центре, кто возле прохода, а кому достался стол рядом с туалетом – здесь фиксировалось всё. Макс с размаху стёр цифру рядом со своим именем, вписал новую и аккуратно обновил колонку с местом.

– Центр, VIP, у окна.

Закончив, он развернулся к залу и, размахивая руками, начал хвастаться, словно на арене.

– Я увидел, как в ICT у Prima пошёл взрыв объёма, и сразу почувствовал момент! Лонг по кэшу, колл-спред для дельта-нейтрали, сожрал всю гамму! Риск – 30 бипсов, ожидаемая доходность – 280! Вот это сделка, а не ваши детские игры!

На словах стратегия звучала почти академически. На деле же это было ближе к азартной игре – ставка на опыт, нюх и долю безумия. Но результат был. А значит, всё остальное не имело значения.

В глазах Макса плясал лихорадочный блеск человека, которому только что улыбнулась удача. И он был не один – у большинства трейдеров белки глаз налились кровью, как после бессонной ночи.

И тут раздалось:

– Шон!

Макс ткнул в меня пальцем. В ту же секунду весь зал синхронно повернул головы, а затем лавиной ринулся в мою сторону.

– TSO – уже мёртвый кот, да? Если сейчас слить – 18,2, но если ещё раз толкнуть, можем увидеть 19...

– У COUP по опционам перегруженная гамма – закрываться сегодня с жёстким стопом или это ложный вынос?

Вопросы сыпались, будто был хрустальным шаром или оракулом. В последнее время такое происходило всё чаще.

На это лишь усмехнулся и спокойно ответил:

– А вы зачем меня об этом спрашиваете?

Они переглянулись, покачали головами, цокнули языками и начали расходиться.

Кто-то буркнул на ходу:

– Тц... видимо, режим пророка сегодня выключен.

Даже если бы и правда пришёл из будущего, всё равно не знал бы поминутных колебаний рынка. Именно для этого здесь и держали этих дорогостоящих, остро заточенных трейдеров – чтобы принимать такие решения.

В этот момент ко мне подбежала Лилиана, запыхавшаяся, с планшетом под мышкой.

– Шон! Нам пора, прямо сейчас!

На этот раз меня ждал ланч с инвесторами. Декабрь был месяцем бесконечных встреч с крупными деньгами. Причина была до банальности проста. В декабре разрешены изъятия средств. Довольны инвесторы или нет – все они разыгрывали один и тот же спектакль: "А вдруг я выведу деньги?"

И чтобы удержать их? Разговоров о "коэффициентах Шарпа" и "стратегиях распределения активов" было недостаточно. Им нужно было другое. Что-то вроде: "Я на днях лично встречался с Шоном..." – фраза, которую можно небрежно бросить за ужином. Проще говоря, им нужно было почувствовать собственную значимость через меня.

Так что моя задача была предельно ясна. Бросать в разговор простые, цепкие фразы – такие, которые легко запоминаются и приятно пересказывать.

– Похоже, пришло время, когда цикл искусственного интеллекта действительно пойдёт вразнос.

Безусловно нарочно бросил эту фразу между делом, словно не придавая ей значения, но знал – она разлетится быстрее сплетни. Стоило инвесторам разойтись по своим ужинам и кулуарам, как эти слова начнут кочевать из уст в уста, обрастая интонациями, домыслами и азартным блеском в глазах. Война за ИИ уже витала в воздухе – пахла озоном, как перед грозой.

Когда же вернулся в офис, меня уже ждали операционный директор Крейн и продакт-менеджер Лоран. В переговорной стоял сухой запах бумаги, пластика и кондиционера, а на стеклянном столе лежали аккуратно разложенные папки.

– Шон, пора начинать встречу.

Сегодняшний разговор был далёк от романтики больших идей – речь шла о налогах. Декабрь вообще был месяцем холодных расчётов. Это время, когда прибыль начинала кусаться, а налоговая – дышать в затылок. Слишком большая доходность означала одно – платить придётся со всего. Поэтому прибыль приходилось... уменьшать.

Метод был старый и проверенный. Даже если акция выглядела перспективной на годы вперёд, рынок иногда давал короткую просадку. В этот момент мы продавали бумаги, фиксировали убыток – на бумаге, разумеется – и терпеливо ждали тридцать дней. Потом возвращались, будто ничего не случилось.

Мы расставались с акциями с трагическим видом, словно хоронили старую любовь, а затем, когда внимание налоговой ослабевало, тихо писали им снова и возвращали всё на круги своя.

Расставание из-за денег, а потом неловкое "привет, как ты?" – ровно так же это и выглядело. И пока мы крутились в этом бухгалтерском танце, незаметно подкралась дата. 21 декабря.

День, когда "Орёл-9" от Space Z должен был взмыть в небо, а Аарон Старк – проснуться легендой.

"Только бы без сюрпризов..."

В прошлой жизни запуск прошёл идеально, но сейчас был слишком тесно связан со Старком. Слишком много нитей, слишком много мелочей, которые могли сложиться в тот самый эффект бабочки.

С удовольствием бы посмотрел трансляцию запуска в прямом эфире – услышать рёв двигателей, увидеть, как металл рвёт небо... Но судьба распорядилась иначе.

В этот вечер проходила рождественская вечеринка Pareto Innovation. Организацией занимался Гонсалес.

Место выбрали эффектное – Pier 36, прямо у воды. Вечерний воздух был солёным, холодным, пах рекой и электричеством гирлянд. Но ещё у входа меня встретило нечто... монументальное.

Огромная скульптура с моим лицом возвышалась над гостями.

"Мы благословляем вас на максимальную доходность."

– Это...

Запахло духом WSB за версту – дешёвый пафос, мемы и перебор. Совсем не мой стиль. Но внутри было ещё хуже. Главный экран в центре зала сиял надписью:

"Пророк родился в декабре"

А за ним – десятки LED-панелей, заполненных моим лицом под разными углами.

Медленно повернулся к Гонсалесу.

– Это точно рождественская вечеринка?

Он лишь широко ухмыльнулся.

– Два в одном.

– Два в одном?

И тут со всех сторон рванули фейерверки. Грохот прокатился по залу, стекло задрожало, люди заплодировали.

– С днём рождения!

– Ах да...

Только сейчас до меня дошло – сегодня и правда был мой день рождения. Похоже, Гонсалес решил объединить всё в один праздник – Рождество, день рождения и культ личности. Вот только баланс был явно нарушен.

"Интересно, а где тут вообще Рождество?"

Даже беглого взгляда хватало, чтобы понять – ёлка здесь явно проигрывала моему портрету. Да и вступительная речь ведущего не оставляла никаких сомнений.

– Сегодня мы празднуем явление основателя Pareto Innovation – Шона – и пришествие нашего спасителя.

Зал, залитый светом прожекторов и пахнувший шампанским, озоном от аппаратуры и сладковатым дымком сценических эффектов, был разбит на тематические зоны. И каждая, без исключения, воспевала меня так, будто я уже при жизни стал мифом. Вот, например.

"Храм святого Шона".

Уголок, стилизованный под дельфийское святилище. Каменные колонны, искусственные трещины, запах ладана. На стенах – "Десять заповедей" и молитвы, когда-то гулявшие по WSB, аккуратно выведенные каллиграфическим шрифтом.

"И узрит он грядущую язву, и падёт она на землю... но Пророк предскажет её".

Под этим лозунгом располагалась интерактивная зона. Гостям предлагали примерить защитные костюмы – те самые, что мелькали в новостях во время паники вокруг Эболы. Пластик шуршал, молнии визжали, люди смеялись, фотографируясь.

Чуть дальше.

"Ведьма, продающая ложную кровь, примет суд святого Шона".

Здесь разыгрывали целое представление – в металлической бочке горел костёр, в который с театральной торжественностью бросали копии NDA компании Theranos. Бумага вспыхивала, трещала, пепел поднимался в воздух, пахло гарью и дешевыми чернилами.

Но самым проработанным, самым безумным местом было...

"Здесь покоится старый гигант; слава его обратилась в прах, а сила исчезла, словно ветер".

Народ быстро окрестил эту зону "Могилой Акмана".

Ровные ряды надгробных плит, холодных и тяжёлых на вид. На каждой – название позиции, которую Акман был вынужден закрыть во время истории с Herbalife и Valiant. В центре возвышался массивный памятник, и надпись на нём была выбита без всякого стеснения:

"Позиция Herbalife (2012–2015)"

RIP

И было в этом всём нечто странное.

"Слишком качественно".

Это были не декорации из пенопласта. Настоящий мрамор – холодный, тяжёлый, с прожилками. Такой роскоши точно не могло быть на тот бюджет, который утвердил.

"Значит, Гонсалес платил из своего кармана".

Теперь становилось понятно, почему сотрудники единогласно выбирали его ответственным за корпоративы.

"Экономия на мне – инвестиция в себя".

И уже мысленно кивнул, довольный, как вдруг...

Динь-динь-динь-динь!

Громкий колокольный звон прорезал зал. Ведущий, сияя, схватил микрофон.

– Итак! Начинаем легендарный боксёрский поединок! Кто осмелится бросить вызов?!

В центре зала красовался настоящий ринг. Канаты блестели, мат был свежий, ещё пах резиной.

На подиуме лежали два костюма. Белая акула. И чёрно-белая Касатка.

– Мы воссоздаём эпическое противостояние прошлого! Кто выйдет на ринг и сразится?!

Зал взорвался криками и смехом, руки взмыли вверх. Но стоило участнику в костюме белой акулы натянуть голову, как...

Пи-и-ип!

Где-то свистнули. К рингу тут же подбежали сотрудники и начали туго связывать акуле руки и ноги верёвками. Узлы затягивались с хищным скрипом.

– У белой акулы штраф! Вы все знаете, за что!

Это была отсылка к инциденту с Ерісига – к тому моменту, когда белая акула уже не могла открыть рот, не звуча так, будто произносит расистское оскорбление.

Хохот прокатился волной. Толпа кипела, предвкушая зрелище. А я смотрел только на часы.

"Запуск в восемь вечера... верно?"

И уже собирался незаметно ускользнуть, раствориться в шуме и огнях, как вдруг...

...? В поле зрения попали две фигуры. Одна – с каменным лицом, сжатой челюстью и взглядом, полным глухой ярости. Это был Акман.

И смотрел он прямо на "Могилу Акмана". А вторая фигура... Белая акула.

Он уставился на ринг широко раскрытыми глазами – так, словно впервые увидел собственную карикатуру и не мог поверить, что всё это происходит на самом деле.

Глава 5

– ...

– ...

Неловкость повисла в воздухе, густая, как дым после салюта. Белая акула изо всех сил удерживал на лице покерфейс, будто ничего необычного не происходило. Щёки у него были напряжены, челюсть сжата, а в глазах мелькало раздражение, которое он старательно загонял внутрь.

– Да! Белая акула! Он в нокдауне! Ах! Косатка! Идёт в атаку без жалости!

Голос ведущего, усиленный динамиками, бил по ушам, а толпа взрывалась ревом, свистом и смехом. Где-то хлопали ладони, где-то звякали бокалы. У Белой акулы едва заметно дёрнулся уголок рта – предательская судорога, которую он тут же попытался скрыть.

Рядом, словно совершенно случайно, стоял Акман. Спокойный, внешне невозмутимый. "Позиция Herbalife (2012–2015)"

RIP

Место для него было выбрано по-настоящему издевательское. Прямо перед "Могилой Акмана". За его спиной выстроились ряды мраморных плит – холодных, белых, с выбитыми названиями закрытых позиций. Они тянулись вглубь зала, как безмолвный строй павших солдат за спиной генерала. От этого зрелища по коже пробежал холодок.

– ...

В обычной ситуации полагалось бы обменяться пустыми, вежливыми фразами.

"Спасибо, что нашли время прийти, несмотря на занятость".

"Спасибо за приглашение".

Но здесь такие слова были невозможны. Они застряли бы в горле, как кость.

– Какого чёрта вы вообще здесь делаете?

Это была закрытая вечеринка. Попасть сюда можно было только по приглашению. А значит, эти двое получили его лично.

"Зачем Гонсалес пригласил именно их?"

Впрочем, если быть честным, дело было не только в Гонсалесе. Даже получив приглашение, можно было отказаться. Но они пришли. Без колебаний.

Именно в этот момент появился виновник всего этого абсурда. Гонсалес.

– О, вы всё-таки пришли?

Он распахнул глаза чуть шире, чем следовало, и в его голосе ясно читалось: "Ничего себе, вы правда явились?"

– Спасибо, что нашли время в своём плотном графике.

– ...

– ...

– А вам нравится вечеринка?

– ...

– ...

Гонсалес переводил взгляд с Белой акулы на Акмана и обратно, терпеливо ожидая ответа. Казалось, он искренне надеялся услышать что-нибудь нейтрально-вежливое. В итоге Белая акула с усилием выдавил из себя:

– Довольно... своеобразное мероприятие.

– Мы очень старались, – с энтузиазмом отозвался Гонсалес.

– ...

В тот момент наблюдал за этим странным диалогом и ловил себя на неожиданном чувстве восхищения.

– Так вот как ещё можно доводить людей.

До этого всегда считал себя неплохим мастером подобных приёмов. Но использовал их только тогда, когда это было нужно – ради стратегии, ради преимущества. И раскачивал эмоции противника, чтобы направить поток в нужное русло. А Гонсалес?

Ему не нужно было ничего выигрывать. Более того, Белая акула и Акман уже были побеждены. Они давно перестали представлять угрозу. И всё же он вытащил их на свет, заставил вновь посмотреть на собственные поражения и с удовольствием закопал ещё раз – уже при аплодисментах.

"Как это сказать... освежает".

Метод, до которого сам бы никогда не додумался. В моём возрасте открыть для себя что-то совершенно новое... "Учиться, как говорится, никогда не поздно". И всё же.

– Мне нужно поговорить с Шоном.

Белая акула произнёс это резко, будто намеренно игнорируя всё происходящее вокруг. Вежливый, но однозначный сигнал: "Уйди". Гонсалес тут же расплылся в сияющей улыбке и хлопнул кулаком по ладони.

– А, вы про уединённое место! Как удачно – у нас как раз есть тихая комната. Провожу вас прямо сейчас!

Его голос звучал слишком бодро, а в глазах плясали искры искреннего удовольствия.

Когда Гонсалес уже собирался отвернуться и уйти, он вдруг остановился, словно что-то вспомнил, и с самым невинным выражением лица посмотрел на Белую акулу. В его взгляде не было ни капли злобы – только притворная наивность, от которой почему-то хотелось стиснуть зубы.

– Кстати, у вас нет намерений перейти к насилию?

– ...

На этот раз даже Белая акула дрогнул. Его самообладание дало трещину – губы перекосило, будто он с трудом удерживал рвущийся наружу поток слов. Гонсалес же широко ухмыльнулся и чуть наклонил голову, как человек, предлагающий помощь от чистого сердца.

– Если вдруг надумаете, мы можем даже одолжить вам снаряжение.

Он указал в сторону ринга. Там, под ослепительным светом прожекторов, двое в ростовых костюмах Белой акулы и Косатки колотили друг друга огромными, нелепо раздутыми перчатками. Точнее, это уже давно перестало напоминать бой. Человек в костюме Белой акулы валялся на полу, связанный по рукам и ногам, а Косатка сидела сверху и с методичным усердием осыпала его ударами. Удары были глухими, как по мешку с песком, и от этого зрелище становилось ещё более унижительным.

– Если оригинал сам выйдет на ринг, для нас это будет величайшей честью.

– ...

И снова испытал настоящее изумление. "Так, значит, это ещё не предел". Мне казалось, что пик провокации был достигнут минуту назад. Но, как выяснилось, всегда находится кто-то, кто поднимает планку ещё выше.

Осмыслив это, уже собирался отойти в сторону, когда за спиной раздался новый голос.

– Я тоже...

Это был Акман. До этого момента он молчал, словно отдавая Белой акуле право говорить за двоих. Но теперь всё-таки решил открыть рот. И это тоже выглядело странно. Если судить лишь по известности, Акман всегда значительно превосходил Белую акулу.

– Хотя... всё ещё превосходит?

Белая акула превратился в мем, в ходячий символ "белой вины", но его фонд продолжал существовать. А Акман после принудительной ликвидации еле держался на плаву, выживая за счёт срочных вливаний частного капитала.

Может, именно поэтому он и прятался за спиной Белой акулы. Но сейчас, судя по всему, у него было что-то, что он хотел сказать лично.

– У меня тоже есть разговор к Шону.

По дороге за кулисы, следуя за Гонсалесом, Белая акула из последних сил удерживал внутри себя взрывающийся ком.

– Косатка не знает пощады! Сегодня у нас суп из акульих плавников?!

Надсадный комментарий ведущего продолжал преследовать их, как назойливая муха. Шея Белой акулы напряглась, в висках стучало, а давление, казалось, вот-вот прорвёт крышу. По крайней мере, комната, куда их провёл Гонсалес, оказалась идеально звукоизолированной – это было почти спасением.

– Кто тебя вообще просил родиться Белой акулой.

Дверь закрылась, и шум оборвался, словно его отрезали ножом. В тишине, пахнувшей свежим деревом и холодным металлом, мысли Белой акулы, почти парализованные яростью, начали понемногу возвращаться на место.

– Ну что ж, можете спокойно поговорить.

И тут... Гонсалес уже собирался уйти, но вдруг остановился у двери и обернулся.

– А, простите, можно я сделаю фотографию?

– Фотографию?

– Да, так, на всякий случай. Если вдруг потом понадобится доказательство... Я сегодня выпил, мои показания могут показаться не слишком надёжными.

Иными словами, если с Сергеем Платоновым что-нибудь случится, фотография станет уликой. Сдерживая кипящую внутри злость и скачки давления, Гонсалес как ни в чём не бывало достал смартфон и щёлкнул их троих, после чего наконец вышел.

– Ха, да и персонал у него под стать.

Уже давно задавался вопросом: как сотрудники вообще выдерживают работу под началом такого безумца? Кажется, теперь получил отличный ответ.

Тем временем Сергей Платонов уверенным шагом подошёл к столу, взял пульт и включил огромный телевизор на стене. Экран вспыхнул холодным светом.

– Есть одна трансляция, которую мне обязательно нужно посмотреть. Давайте поговорим после неё.

Не дожидаясь реакции, он уже переключал каналы. На экране появилась прямая трансляция запуска ракеты Аарона Старка. Космос и аэрокосмическая отрасль были далеки от основной сферы интересов Сергея Платонова, но сейчас он смотрел в экран, не отрываясь, словно заворожённый.

– Ракета Eagle 9 компании Space Z входит в финальный отсчёт до старта...

Пока Сергей Платонов был полностью поглощён происходящим, Белая акула украдкой посмотрел на Акмана.

"Я тоже не ожидал увидеть тебя здесь".

Он передал эту мысль взглядом. Акман опустил глаза к полу и плотно сжал губы. Он не хотел говорить. Да и слова были не нужны, чтобы понять, зачем Акман пришёл.

"В конечном итоге, он думает о том же, о чём и я".

Белую акулу и Акмана роднило куда больше, чем казалось на первый взгляд. Прежде всего – их обоих безжалостно и показательно сокрушил Сергей Платонов. И было ещё кое-что, куда более неприятное. Они оба состояли в Клубе Треугольника. Само это название звучало почти сакрально.

"Клуб Треугольника".

Закрытое место, куда допускались лишь титаны хедж-фондов, вершина финансового Олимпа, куда простым смертным вход был заказан. Там собирались люди, которые не просто

играли на рынке – они перекраивали его под себя. И вот теперь... Два бывших полубога – Белая акула и Акман – потерпели унижительное поражение от новичка, чья компания не прожила и года. Разумеется, это перевернуло весь клуб вверх дном.

– Вы вообще уверены, что достойны продолжать приходить на эти собрания?

– Проиграть новичку – это уже позор, но сделать это на глазах у всей публики...

– Так мы подорвём престиж самого Клуба Треугольника!

Голоса, требующие их изгнания, звучали всё громче, накатывая волнами, как прибой. Но председатель клуба был человеком сухим, цепким и до фанатизма преданным регламенту.

– Правила ясны. От каждой фракции выбирается шесть человек.

Внутри клуба существовало чёткое деление на три лагеря. Первый – Стратеги. Их девиз звучал холодно и величественно: "Мы двигаем государства, а не акции". Они работали с макроэкономикой, геополитикой, целыми регионами и блоками стран.

Вторые – Активисты. Их принцип был прост и агрессивен: "Давление рождает изменения". Они лезли в корпоративное управление, раскачивали компании, запускали кампании и охотились за событиями, словно за добычей.

И, наконец, Архитекторы. "Рынок – это система. Хаос нужно кодировать". Они строили стратегии на кванте, цифрах, алгоритмах и сухой математике.

Фракция активистов, к которой принадлежали Белая акула и Акман, была самой молодой. Даже несмотря на поражение от Сергея Платонова, заменить их пока было нечем, и выкинуть их за дверь одним махом клуб не мог.

– Даже так... если бы вы проиграли тихо, может, мы бы закрыли глаза.

– Вы устроили слишком много шума. Надо было действовать скромнее, тц-тц.

Каждый раз, слыша подобное, Белая акула мысленно орал.

"Да будто я сам хотел этого цирка!"

Не он раздул инцидент с Ерисига до вселенского масштаба. Это сделал тот самый безумец – Сергей Платонов.

"И ведь проиграть такому новичку..."

– Кто из вас вообще смог предсказать хоть одно его слово? Попробуйте сами выйти против него. Гарантирую, опозоритесь сильнее меня. Да далеко ходить не надо – посмотрите на Акмана!

– ...!

После истории с Herbalife Акман почти перестал говорить на собраниях. И это было закономерно. До того как его самого размазали по стенке, именно он смеялся над Белой акулой громче всех.

– Даже если это было неожиданно, он же новичок. С вашим опытом вы должны были его раздавить. А вы даже не победили с явным перевесом, тц-тц.

И чем всё закончилось? Акман оказался унижен куда сильнее, чем Белая акула. Казалось бы, на этом месте остальные должны были наконец что-то понять...

– Я больше не теряю бдительности.

В ответ – лишь насмешки.

Когда смех наконец улёгся и разговор сменил русло, речь зашла о другом. Об испытании для Сергея Платонова. Чтобы стать полноправным членом Клуба Треугольника, новичок обязан был пройти ряд испытаний. Причём каждую проверку задавала своя фракция.

Условия звучали так.

От Стратегов: "Потряси экономику уровня государства, не нарвавшись на санкции регуляторов".

От Активистов: "Приведи к победе общенациональную кампанию".

От Архитекторов: "Предскажи событие чёрного лебедя и заработай на нём".

Каждое из этих заданий было на грани невозможного. Но Сергей Платонов, словно насмехаясь над правилами, выполнил их все ещё до того, как получил приглашение.

– Такого ещё не было. Может, засчитать это как прохождение всех испытаний?

– Нет. Посвящение в Клуб Треугольника – это ритуал, требующий официального признания и согласия действующих членов. В этот раз нужно придумать новое испытание.

В итоге было решено провести проверку совершенно иного формата. Именно с этим Белая акула и явился сюда лично. А цель Акмана, скорее всего, была точно такой же. Мысль у них была общей, почти синхронной, как болезненный спазм.

"Ему нужно рассказать об испытании".

Оба – и Белая акула, и Акман – на самом деле хотели, чтобы Сергей Платонов прошёл этот чёртов тест. Причина была до смешного простой и оттого особенно горькой.

"Я не могу быть единственным, кто через это прошёл".

Они слишком хорошо знали Сергея Платонова. Он снова вытащит на свет что-то абсурдное, вызывающе дерзкое, что-нибудь такое, от чего у стариков Клуба Треугольника начнут дёргаться веки и скрипеть зубы. И в процессе, без сомнений, будут унижены и остальные члены клуба.

"Пусть и они это почувствуют".

Только так можно было хоть немного залатать потрёпанную гордость.

В этот момент из динамиков телевизора, ещё тёплых от недавнего вещания, раздался взрыв эмоций диктора:

– Успех! "Игл 9" начинает снижение! Опоры выпускаются... посадка успешна! Это исторический момент!

Сергей Платонов с лёгким, почти ленивым удовлетворением нажал кнопку пульта. Экран погас, оставив в комнате лишь мягкий гул вентиляции и запах дорогого алкоголя, впитавшийся в ковры. Он обернулся, сначала посмотрел на Белую акулу.

– Ну? О чём вы хотели поговорить?

– Речь идёт о Клубе Треугольника. Есть информация, которую тебе стоит знать.

Обычно такие разговоры тянулись долго, с намёками, реверансами и пустыми фразами, но Белая акула резал по живому, без прелюдий.

– Давайте покончим с этим побыстрее и разойдёмся.

Его нервы были натянуты, как струна. Он мечтал сократить общение с Сергеем Платоновым до абсолютного минимума и как можно скорее исчезнуть с этой проклятой вечеринки.

– Скажем так – эта информация тебе поможет. Но есть одно условие.

Речь шла о деталях вступления в Клуб Треугольника. Как бы он ни хотел, чтобы Сергей Платонов прошёл испытание, раздавать такие вещи даром он не собирался. Он обозначил "условие" и замолчал. Обычно на этом месте следовал ожидаемый вопрос: "Какое условие?" Но вместо этого...

– Условие, значит...

Сергей Платонов усмехнулся уголком губ, словно услышал забавную шутку.

– Тогда нет. Даже не буду слушать.

Реакция была настолько неожиданной, что воздух будто стал гуще.

– Наслаждайтесь вечеринкой.

– ...?

Не колеблясь ни секунды, Сергей Платонов развернулся и направился к выходу. Его шаги глухо отозвались по полу. Акман резко шагнул вперёд и перегородил ему дорогу.

– Это правила приёма новых членов Клуба Треугольника. Ты нигде не найдёшь эту информацию. Ты правда уверен, что не пожалеешь, если уйдёшь прямо сейчас?

Сергей Платонов бросил на него короткий взгляд, затем снова посмотрел на Белую акулу и улыбнулся шире.

– Условия всегда принимает тот, кто в более отчаянном положении. Разве не так?
Смысл был предельно ясен.

– Кто здесь отчаялся сильнее?

Сергей Платонов сделал ещё шаг вперёд, усиливая давление.

– Мы ведь не чужие люди... из уважения к старым временам, пожалуй, послушаю вас.
Но у меня тоже мало времени. Так что у меня есть своё условие.

Это было уже за гранью. Они предлагали ценнейшую информацию, а он не только не благодарил, но ещё и требовал плату за то, чтобы просто слушать. Настоящий ублюдок. За свою жизнь они встречали немало хищников, но Сергей Платонов существовал в совершенно иной весовой категории.

И всё же...

Сейчас Белую акулу вела лишь одна мысль. "Я не могу быть единственным, кто через это проходит".

Им нужно было спустить этого бешеного пса на остальных членов Клуба Треугольника. Пусть почувствуют сами.

Пусть поймут: поражение Белой акулы было не вопросом мастерства; против безумца не существует правильных решений.

Стиснув зубы, подавив раздражение и недоверие, он наконец выдал:

– Какое условие?

– Хм... просто запишем это на ваш счёт. Как долг.

На Уолл-стрит слово "долг" имело особый вес. Это означало одно – какую бы просьбу в будущем ни озвучил кредитор, ты обязан будешь её выполнить.

– То есть мне придётся снова иметь с ним дело...

Честно говоря, от одной этой мысли хотелось скривиться. Но сейчас было важнее другое.
"Я не могу быть единственным, кто страдает".

Белая акула сделал выбор.

– Хорошо. Я принимаю этот долг.

Сергей Платонов перевёл взгляд на Акмана. Тот молча кивнул. Только после этого Сергей Платонов, словно делая им великое одолжение, заговорил:

– Ладно. Слушаю, что у вас?"

– Это испытание...

– Суть испытания...

Белая акула и Акман заговорили одновременно. Их взгляды столкнулись в воздухе, словно клинки, и на мгновение между ними повисло напряжённое молчание, плотное, как табачный дым. Затем Акман чуть заметно отвёл глаза и уступил слово.

– Испытание называется "Ужин идей".

Ужин идей. На Уолл-стрит так называли неформальные встречи, где за длинными столами, среди бокалов с вином и запаха прожаренного мяса, обсуждали инвестиционные замыслы. На первый взгляд – почти дружеский обмен мыслями.

Но здесь крылась проблема. В большинстве инвестиционных кругов делиться идеями – значит стрелять себе в ногу. Это всё равно что разрезать пирог, который мог бы съесть в одиночку, и раздать куски конкурентам.

И всё же такие ужины существовали. Причина была проста и цинична. Никто и никогда не выкладывал на стол свои настоящие карты. На подобных встречах бросали намёки, смотрели на реакцию, прощупывали чужие позиции, ловили едва заметные изменения в голосе и движениях. Это была не беседа – это был покер. Высшая лига психологической войны, где ты показываешь пару карт, но крепко сжимаешь колоду с настоящей комбинацией под столом.

И всё же... Сделать "Ужин идей" вступительным испытанием? Реально невольно склонил голову набок.

– Неожданно. Думал, будет что-то более... экзотичное.

– Разумеется, это не обычный ужин, – Белая акула слегка постучал пальцами по столу, сухо, ритмично. – Есть особые правила.

Он наклонился вперёд.

– Чтобы стать полноправным членом, большинство участников должно реально вложить деньги в твою идею.

Вот это уже было интересно.

– То есть голосуют не руками, а кошельками.

– Именно.

Для прохождения испытания нужно было не формальное одобрение, а живые деньги. Если бы всё ограничилось поднятием рук, никто бы ни за что не отвечал. Тогда в ход пошли бы личные симпатии, скрытая неприязнь, старые обиды и, возможно, предвзятость к моему происхождению. Но когда на кону деньги – холодные, пахнущие металлом и потом цифры на счётах – всё лишнее исчезает. Остаётся только сухой расчёт и вероятность прибыли. И всё же ощущение неправильности не уходило.

– Значит, мне достаточно убедительно представить инвестиционную стратегию?

Для такого тяжеловесного клуба это выглядело подозрительно просто. Белая акула усмехнулся, и в этой улыбке не было ни капли дружелюбия.

– Конечно нет. В этой игре разрешён саботаж.

– Саботаж?

Слово прозвучало глухо, будто упало на стол тяжёлым камнем.

– Обратные ставки, срывы тайминга, давление на регуляторов, блокировка через институты – практически любые формы вмешательства допускаются.

Проще говоря, мешать можно было всем, чем угодно. Например, если заявлю, что цена акции вырастет... Они могли утопить цену, открыв короткие позиции, словно вонзая гарпуны в живую тушу. А если бы заявил, что судьбу сделки решит запуск нового продукта, они без колебаний дернули бы за нужные ниточки – через советы директоров, через крупные институты – и запуск бы внезапно "перенесли". Формально – по уважительным причинам, фактически – чтобы выбить почву у меня из-под ног.

– На самом деле силы, которые хотят держать тебя под контролем, уже действуют, – продолжила Белая акула, его голос был ровным, но в нём звенел холодный металл. – Тебе придётся пережить их саботаж, сломать его и убедить большинство пойти за твоей инвестицией. И этого недостаточно. Сделка должна принести реальную прибыль – только тогда её признают успешной.

– Это... действительно интересно.

Чтобы повели за мной, мне пришлось бы выложить стратегию полностью – без прикрас, без дымовой завесы. И в тот же миг сразу бы сам подсветил все уязвимые места, словно обвел их красным маркером для врагов.

– Если говорить языком покера, мне придётся раскрыть всю руку и всё равно выиграть.

– Именно так.

Белая акула закончил объяснение, бросил взгляд на часы – стекло блеснуло под мягким светом лампы – и продолжил уже другим тоном:

– Ты ведь уже набросал несколько идей, верно? Если поделишься, я смогу примерно сказать, как на них отреагируют участники...

– Ты предлагаешь помочь мне?

– Да.

Невольно рассмеялся. Сухо, без веселья. На Уолл-стрит не существует чистого альтруизма. Здесь даже улыбки имеют цену.

– Пока ещё обдумываю детали", – ответил твёрдо, словно захлопнул дверь.

Это было не испытание – это была война интеллектов. И реально не собирался разбрасываться картами. Белая акула кивнул, принимая отказ.

– Иногда молчание – самый разумный ход, – сказал он после паузы. – Но позволь один совет. Твоё настоящее оружие – это сторителлинг. Ты умеешь перевернуть всю доску одной, на первый взгляд, незначительной деталью. Это редкий талант. Используй его по максимуму.

Он не успел договорить.

– Нет, – резко вмешался Акман, его голос резанул воздух, как лезвие. – Его главное оружие – другое. Это та самая "армия розничных инвесторов". Сила, которой больше никто на Уолл-стрит не способен управлять.

Белая акула нахмурился и резко повернулся к нему.

– Ты всерьёз хочешь сказать, что проиграл только из-за этих розничных инвесторов?

– Это был беспрецедентный и непредсказуемый фактор, – спокойно ответил Акман. – И этого нельзя отрицать.

– По-моему, настоящая причина твоего поражения – высокомерие. Ты просто проигнорировал новую переменную и пошёл напролом.

Между ними повисло напряжение – плотное, горячее, как воздух перед грозой. Казалось, ещё секунда – и разряд ударит.

– Они оба советуют мне использовать именно то, от чего сами пострадали.

Словно хотели, чтобы тем же оружием прошёлся по остальным членам клуба. Тогда их собственные поражения перестали бы выглядеть унижительными – стали бы "неизбежными".

Но...

"Неужели только ради этого?"

Сам факт их визита уже был ударом по их самолюбию. А они не просто пришли – они предлагали помощь. За этим точно скрывался другой расчёт. Чувствовал это кожей.

"Стоит копнуть глубже".

Мне нужна была информация. Не та, которую они сами подсовывали, а та, которую они отчаянно пытались от меня спрятать.

– Разве это не ты проиграл какому-то беспомощному новичку из инвестиционного банка?

– Даже если так, мой фонд до сих пор на плаву. Мне не пришлось пережить унижение принудительной ликвидации, как тебе.

– Естественно, ставки у тебя были ниже – вот и потери оказались скромнее.

Их слова летели друг в друга, как острые иглы. В воздухе звенело напряжение, слышался сухой, неприятный скрежет голосов, будто металл тёрся о металл. Даже запах дорогого алкоголя и полированной древесины вокруг вдруг стал резче, тяжелее, словно помещение само реагировало на нарастающую враждебность.

И тут им сказал:

– Знаете, не буду проходить это испытание.

Всего одна фраза – и оба словно налетели на невидимую стену. Они замерли и одновременно повернулись ко мне. На их лицах ясно читалось потрясение, почти растерянность. Что ж, это было неудивительно. Они, очевидно, выстроили все свои расчёты, исходя из того, что соглашусь. А сейчас одним небрежным движением перевернул доску.

– Почему...

– В чём причина?

Тогда просто пожал плечами, спокойно, почти лениво, и ответил:

– Разве это не очевидно? Это за гранью допустимого.

– За гранью?

– Чтобы участвовать в этом испытании, должен выложить все детали своей инвестиционной идеи. А это закрытая информация, которой не делятся с посторонними.

Моя стратегия – не общественное достояние, не брошюра на стойке ресепшена. Клиенты моего фонда платят два процента от вложений и двадцать процентов от прибыли именно за доступ к этим знаниям. И теперь мне предлагают бесплатно разложить всё по тарелкам на каком-то "ужине идей"?

– Это прямое нарушение моего долга добросовестности и лояльности. Эту этическую черту переступать не собираюсь.

– Ты сказал – этика?

– Ты?

Белая акула и Акман одновременно уставились на меня с откровенным недоверием. В их взглядах читалось немое: "С каких это пор ты вообще о таком задумываешься?"

Но в ответ на их реакцию ответил уверенно, не отводя глаз:

– Понимаете, всегда придерживался своих принципов.

Честно говоря, совершенно не понимал, чему они так удивляются. Принципы у меня действительно есть – просто не все умеют их разглядеть.

– В любом случае, собирался прийти из любопытства, раз уж получил приглашение... Но если вы предлагаете мне предать долг добросовестности и лояльности, разговор меняется. В таком собрании просто участвовать не стану.

Потом выдержал короткую паузу, посмотрел им прямо в глаза и позволил себе едва заметную, многозначительную улыбку.

– Однако, если будет предложена равноценная компенсация... готов пересмотреть своё решение.

Иными словами, за риск нужно платить. А значит, если они хотят, чтобы принял это испытание, цена должна быть соответствующей.

– Вы предлагаете мне сыграть в опасную игру и выложить все карты на стол. Если уж собираюсь прыгать в такой матч, разве приз победителю не должен быть достаточно соблазнительным? Пока что... да, членство в престижном клубе выглядит красиво. Но сомневаюсь, что реальная выгода настолько велика.

За внешним блеском элитарности должно скрываться нечто большее. Именно из-за этого "большого" эти двое и сцепились так яростно.

– Есть ли у членов Клуба Треугольника какие-то особые привилегии или преимущества, недоступные остальным?

В тот же миг выражение лица Белой акулы окаменело, словно его облили холодной водой.

– Это информация, которую мы не имеем права раскрывать не-членам из-за соглашений о конфиденциальности.

Естественно медленно кивнул.

– Значит, они всё-таки существуют.

– Да. Настолько, насколько могу сказать, не нарушая условий секретности... знай одно: существуют привилегии, которые невозможно получить ни через какие связи и ни за какие деньги на Уолл-стрит.

Привилегии, недоступные нигде больше... Слова повисли в воздухе, плотные, тяжёлые, будто запах озона перед грозой. Что это могло быть? Какие рычаги влияния, какие двери, открывающиеся лишь избранным, могли предложить титаны самой вершины финансового мира? Честно говоря, даже не знал. В прошлой жизни мне так и не довелось подняться на эту высоту, туда, где воздух разрежен, а ошибки не прощают.

Белая акула тут же сменил тему, словно намеренно не давая мне углубиться в размышления.

– Так что насчёт идеи...

И кивнул без промедления.

– Вообще-то тоже считаю, что ставка на сторителлинг выглядит более уместной.

– Правда?

– Да. Управлять армией розничных инвесторов – слишком много переменных.

Когда поддержал его точку зрения, лицо Акмана заметно напряглось, словно мышцы под кожей сжались в узел. Но сам, напротив, с ещё большим энтузиазмом продолжил подыгрывать Белой акуле.

– К тому же такой подход лучше демонстрирует мои фундаментальные навыки. Использовать розничную армию – это всё-таки похоже на победу за счёт чужой силы.

– Именно! Настоящий профессионал должен побеждать собственными умениями!

В этот момент позволил его словам прозвучать эхом, а сам мельком взглянул на шедевр на своём запястье, холодный металл приятно коснулся кожи.

– Уже поздно. Слышал, скоро начнётся особое событие – не хотите сходить посмотреть вместе?

– Особое событие?

– Да, бой чемпионов. Выйдут только победители текущих

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.